

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Н.КАРАЗИНА

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Дробязко Елена Евгеньевна

ХАРЬКОВ 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Перевод в современном мире.....	3
1.1. Перевод в современном мире.....	3
1.2. Предпосылки возникновения переводческой науки. Наука о переводе за 65 лет советской власти	5
1.3. Прагматический аспект	11
1.4. Сущность перевода	13
2. Основные тенденции перевода и спор о переводимости в западноевропейской литературе. История перевода в России	15
2.1. Из истории перевода и переводческой мысли. История перевода до XIX века	15
2.2. XVIII век	17
2.3. Основные тенденции перевода и спор о переводимости в западноевропейских литературах.....	18
2.4. Середина XIX века	31
3. Лексикологические вопросы перевода	32
3.1. Безэквивалентная лексика и ложные эквиваленты.....	33
3.2. Реалии.....	35
3.3. Перевод реалий.....	41
3.4. Отклонение от литературной нормы.....	47
3.5. Иноязычные вкрапления	51
3.6. Передача имён собственных	53
3.7. Сокращения	56
3.8. Фразеологические единицы. Общие положения.....	61
4. Грамматические проблемы перевода.....	70
4.1. Передача функции грамматического элемента, не имеющего формального соответствия в ПЯ	73
4.2. Использование специфических элементов грамматического строя языка, на который делается перевод	77
4.3. Отказ от использования грамматических элементов, формально совпадающих с элементами языка подлинника, но отличных от них по функции	79
5. Стилистические проблемы перевода	81
5.1. Стилистические проблемы перевода	82
5.2. Эмоциональная окраска слов	90
5.3. В. Гак. «Сравнительная типология французского и русского языков». Стилистика.....	90
5.4. Выражение стилистических категорий.....	93

1. ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Предпосылки возникновения переводческой науки.
2. Наука о переводе за 65 лет советского государства.
3. Предмет науки ТП.
4. Сущность перевода.

Литература к лекции

Миньяр-Белоручев Р. Общая теория перевода и устный перевод.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода.

Тетради переводчика. – Вып. 1, 18.

Бархударов Л.С. Язык и перевод.

1.1. Перевод в современном мире

Лингвистическая наука о переводе еще очень молода. До сих пор она не имеет даже общепринятого названия. У разных исследователей можно найти такие термины, как «переводоведение», «теория перевода» и даже «транслатология». Исследования особого вида речевой деятельности, которую называют по-русски «переводом», начали оформляться в самостоятельную лингвистическую дисциплину с начала второй половины XX века.

В то же время перевод – это, несомненно, очень древний вид человеческой деятельности. Без этой деятельности трудно было бы представить такие хорошо известные исторические факты, как создание огромных империй, населенных многочисленными и многоязыкими народами, утверждение культуры господствующей нации, обладающей бóльшим социальным престижем, распространение религиозных и социальных учений.

Однако за последние десятилетия масштабы переводческой деятельности настолько увеличились, что есть все основания говорить о начале нового этапа в

истории перевода. К середине XX века резко возросли международные контакты. На карте мира появилось много новых национальных государств, возникли многочисленные международные организации, всемирные движения, региональные союзы государств. Бурный рост науки и техники вызвал огромную потребность в обмене информацией. Ежегодно в мире проходит много международных конференций, встреч, совещаний. Проводятся широкие международные кампании, совместные программы исследований, один за другим следуют «международные годы» – «геофизический», «спокойного солнца», «год ребенка» и прочее, а вслед за «годами» возникают и «международные десятилетия» – «развития», «борьбы с голодом» и т. д. Неизмеримо возрос объем международной торговли, дипломатической деятельности, международной переписки. Расширились культурные связи между народами, поистине массовый характер приобрел международный туризм.

Все эти изменения в жизни человечества вызвали невиданную потребность в переводах и переводчиках. В короткий срок в мире появилось множество переводческих секций, бюро перевода, отделов и институтов информации, издательств переводной литературы, периодических изданий, выходящих одновременно на нескольких языках и т. п. («Les Nouvelles de Moscou»). Переводческой деятельностью начали заниматься тысячи специалистов различного профиля: референтов, информаторов, секретарей. Созданы специальные переводческие журналы: «Babel» (журнал Международной федерации переводчиков), «L'Interprète» (Genève), «Journal des traducteurs» (Montréal); в СССР с 1963 года регулярно выходят «Тетради переводчика» под редакцией профессора Л.С. Бархударова (в 1983 году будет 20-й выпуск).

Не существует статистических данных об общем объеме переводческой работы в современном мире. По далеко не полным данным ЮНЕСКО ежегодно в мире издаются около 40 000 переводных изданий, то есть более ста книг в день. Помимо публикуемых текстов переводов, выполняется огромное количество переводов для внутренних нужд самых разнообразных организаций и предприятий. Возникли новые подвиды перевода (в связи с развитием техники): синхронный

перевод, перевод радиопередачи, перевод магнитофонной записи и фильмов. Во многих странах (и в нашей в том числе) были созданы национальные союзы переводчиков, и в декабре 1954 года состоялся учредительный конгресс Международной федерации переводчиков (ФИТ), объединивших письменных переводчиков ряда стран. Синхронные переводчики также создали самостоятельную организацию – Международную ассоциацию синхронных переводчиков (АИИК).

1.2. Предпосылки возникновения переводческой науки.

Наука о переводе за 65 лет советской власти

Резкое увеличение масштабов и значения переводческой деятельности не могло не привлечь внимание ученых. На протяжении многовековой истории перевода не было недостатка в попытках как-то осмыслить этот процесс, выявить основные трудности его осуществления и их причины, выработать какие-то принципы и установки, которыми переводчики могли бы руководствоваться в своей работе. Большинство высказываний о переводе принадлежит выдающимся мастерам слова, среди них Цицерон, Лютер, Гете, Пушкин, Белинский и др. Однако лишь к середине XX века процесс перевода стал объектом всестороннего научного исследования. В этот период предпринимаются первые попытки создать теоретическую модель переводческого процесса, которая определяет его своеобразие, отличает его от других видов речевой или литературной деятельности. Переводческая проблематика привлекла внимание лингвистов, и изучение перевода стало оформляться как особая лингвистическая дисциплина, оперирующая терминами и понятиями лингвистики.

Не случайно, что наука о переводе возникла именно в этот период и в качестве особой области языкознания. Это было обусловлено целым рядом объективных причин. Прежде всего в это время стала ясно ощущаться необходимость научного осмысления переводческой деятельности, так как к середине XX века изменились не только масштабы, но и ее характер. На первый план начал выдвигаться информативный (деловой) перевод, в результате которого

должны иметь место взаимозаменяемые, аутентичные тексты на двух и более языках. Значительно возросли требования к точности перевода. При переводе материалов подобного рода уже нельзя было довольствоваться верностью перевода «в целом»: перевод должен был обеспечить точную передачу информации во всех деталях, не допуская в то же время нарушения норм языка перевода и попыток воспроизвести элементы языка оригинала, несущественные для переводимого текста.

В нашей стране теория перевода как специальная ветвь филологической науки, имеющая задачей обобщение и систематизацию выводов из данных практики перевода, зародилась в годы советской власти и являлась по своему содержанию плодом советской культуры. Инициатором работы в этой области и основоположником ее принципов является А.М. Горький, уделивший огромное внимание делу перевода.

Теоретическая мысль в области перевода развивалась в нашей стране с исключительной интенсивностью. За годы советской власти только на русском языке вышло более ста книг по вопросам перевода (не считая сотен статей принципиального характера – в литературных журналах, сборниках, специальных изданиях). За этот период началось изучение высказываний Маркса, Энгельса и Ленина о переводе, большинство которых было опубликовано именно в течение 1930-х годов; начато было изучение взглядов на перевод классиков русской революционно-демократической критики – Белинского, Чернышевского, Добролюбова, появился ряд работ, посвященных творческому наследию классиков русской поэзии в области перевода.

Основы лингвистической теории перевода в нашей стране были заложены Андреем Венедиктовичем Федоровым в 30-е годы в курсе лекций по теории перевода, читавшемся им в Московском университете им. Горького. В его книге «О художественном переводе» показано, что успешное сочетание теории и практики перевода возможно лишь на широкой филологической основе. Работа эта уже намечала общие принципы лингвистического подхода к переводу текста, получившие дальнейшее развитие и уточнение в его работах «Введение в историю

перевода» (1953 г.), во втором (1958 г.) и в третьем переработанном и дополненном издании под названием «Основы общей теории перевода» (лингвистический очерк) 1968 года (переиздается в 1983 г.).

В основу теории А.В. Федорова положено установление определенных закономерностей посредством сопоставления особенностей словарного состава, грамматического строя и стилистического использования языковых средств французского, немецкого, английского и русского языков, с одной стороны, и анализа переводческой практики, с другой.

В последующие годы теория Федорова дополнялась, развивалась, в каких-то пунктах с ней спорили, не соглашались. Это лишний раз доказывает многообразие процесса перевода, неуловимость некоторых его сторон, трудность исследования, что приводят к значительному числу абстрактных моделей перевода, к созданию различных теорий перевода. Назову важнейших советских теоретиков в области перевода: Я.И. Рецкера (теория закономерных соответствий), В.Г. Гака (ситуативная теория), Л.С. Бархударова (семантико-семиотическая модель теории перевода), В.Н. Комисарова (теория уровней эквивалентности), а также американского ученого Ю.А. Найда (трансформационная теория перевода), занимавшегося исследованием перевода Библии на различные языки.

Несмотря на значительное число известных моделей перевода, вряд ли сегодня какая-то теория может претендовать на доминирующее положение в науке. Несомненно, что все теории, правильно отражающие ту или иную сторону объекта науки о переводе, вносят в нее свой вклад.

Многообразие процесса перевода приводит не только к пестроте теоретических моделей, оно также ставит вопрос о необходимости различать общую теорию перевода, теории отдельных видов перевода и частные теории перевода. Все то, что характеризует коммуникацию и процесс перевода вообще, независимо от условий их реализации, жанрового характера текстов, контактирующих языков, и будет существенно (релевантно) для **общей теории перевода**. Необходимо заметить, что общая теория перевода занимается переводческими универсалиями. [Наука о переводе считает универсалиями явления

и категории, свойственные всем видам перевода, например инвариант перевода, соответствия, единицы перевода, буквализмы и др.]

Общая теория перевода основывается на данных, полученных при наблюдении объекта в различных его проявлениях. Эти проявления могут быть случайными, нетипичными, и тогда они не учитываются. Если же они повторяющиеся, типичные, тогда теория считает их закономерными вообще или для того или иного вида перевода в частности. Не будем говорить подробно о теории машинного перевода, возникшей благодаря НТР в XX веке. Эта теория внесла в общую теорию перевода большой вклад, ее авторы (Жолковский, Ревзин, Розенцвейг) вынуждены были моделировать деятельность переводчика, но практическими результатами машинный перевод похвастаться не может. Переводчику же человеку приходится работать в различных условиях, ему приходится в зависимости от ситуации переводить письменно или устно, воспринимать оригинал зрительно или на слух. Трудно не заметить разницу, существующую между письменным переводом, не ограниченным по времени, позволяющим прибегать к помощи словарей и различных справочников, и устным переводом, осуществляемым в экстремальных условиях функционирования умственных

механизмов переводчика. Вот эта разница, существующая между письменным и устным переводами, и представляет собой основу для классификации перевода. На схеме представлено последовательное деление перевода, учитывающее наиболее существенные различия в самом процессе перевода.

Конечно, нельзя сказать, что в любом виде устного перевода условия функционирования умственных механизмов совпадают. В последовательном переводе особенно велика нагрузка на память, а в синхронном переводе надо одновременно уметь слушать и говорить. Однако в любом виде устного перевода умственные механизмы переводчика работают в ситуации, приближенной к стрессовой, когда появляется необходимость в очень сжатые сроки перерабатывать огромное количество поступающей информации и постоянно принимать решения. Сложные условия работы выдвигают на первый план доведенные до совершенства навыки и умения, знания эквивалентов, вспомогательной системы записи и т. п., но делают простительным погрешности в стилистическом оформлении перевода. Особые условия функционирования умственных механизмов концентрируют внимание исследователей на особых проблемах, которые и составляют самостоятельную теорию – **теорию устного перевода**.

Она охватывает общие для всех видов устного перевода вопросы. Специфические проблемы последовательного, синхронного перевода или перевода с листа не выходят за рамки теории устного перевода. Дробление теории устного перевода связано с условиями работы переводчика.

Несколько иначе обстоит дело с письменным переводом. Функционирование умственных механизмов переводчика происходит в сравнительно спокойных условиях. В письменном переводе на первый план выдвигается творческий аспект работы переводчика, умение правильно оценивать и выбирать языковые средства, сохранять стиль оригинала. Так, письменный перевод художественной литературы резко контрастирует с переводом других текстов. Язык художественных произведений характеризуется образными средствами, ритмикой речи, индивидуальным стилем автора,

передачей образных средств языка, стилистические особенности писателя больше зависят от литературного таланта переводчика, от его языкового чутья, чем от выработанного у него автоматизма. [Влахов «Муки переводчика»].

Иначе надо работать переводчику с научными материалами. Научные тексты содержат много терминов, фактов, в которых можно разобраться, только имея соответствующую подготовку. Чаще успех работы переводчика в научной сфере определяется его знаниями, умением оперировать терминологией, чем переводческими навыками. Все это говорит о том, что письменный перевод обретает свою специфику лишь в связи с особенностями исходных текстов, с особенностями использования в них языковых средств.

Языковые средства и определяют жанровый характер текстов, который служит основой для классификации письменного перевода и определяет правомерность выделения **теории художественного перевода** и **теории специального перевода**.

Теория художественного перевода – наиболее «древняя» из теорий перевода. Сегодня многие авторы свои теоретические положения о переводе разрабатывают в сфере художественной литературы (Гачечиладзе, Федоров А.В., Иржи Левый, Ж. Мунэн и др.), то есть в понятиях и терминах литературоведения.

Теории специального перевода посвящено немного научных работ, хотя и в этой области есть интересные публикации (например, Бирюкова, Швейцера, Пумпянского). В центре внимания теории специального перевода находятся **термины и клише**. Термины вместе с обозначаемыми ими понятиями образуют замкнутые системы, которые следует изучать, чтобы успешно работать в военном, техническом, общественно-политическом и других видах перевода. Независимо от области знаний перевод текстов, насыщенных терминологией и клише, связан с единым кругом проблем, совокупность которых и представляет собой теорию специального перевода. Специальный перевод аккумулирует различные виды перевода, среди которых на первое место выступают общественно-политический, военный и технический перевод.

До сих пор говорилось об общей теории перевода и ее разделах (письменный, устный, художественный перевод и т. д.), то есть об абстрактной модели перевода, включающей все то, что повторяется в каждом конкретном процессе перевода. Процесс перевода всегда связан с двумя данными языками. Перевод, конкретизированный двумя языками, описывается не общей, а **частной теорией перевода**, в рамках которой особенно много приходится заниматься сопоставлением двух языков.

Сопоставление двух языков, с одной стороны, знаменует возвращение в лингвистику, с другой стороны, оно поставяет обширный материал для общей теории перевода. По своей же сути сопоставительное изучение двух языков не есть еще теория перевода, и оно сводится к сопоставительной грамматике, лексикологии, стилистике. Сопоставительное изучение двух языков получает переводческую специфику, если оно имеет место в процессе перевода и если сравнение текстов в переводе становится не самоцелью, а средством познания процесса перевода. Сопоставление двух языков в переводе не вообще, а в конкретном виде перевода, то есть в машинном, устном, письменном, художественном или специальном, и представляет собой основу **частной теории машинного перевода, частной теории письменного перевода, частной теории художественного перевода** и т. д.

1.3. Прагматический аспект

Как известно, всякая наука уходит своими корнями в практику, она начинается с изучения и описания каких-либо фактов, объективных, наблюдаемых процессов. Развиваясь, наука начинает оказывать обратное влияние на практическую деятельность, облегчая и обобщая ее. В частности, развитие теории перевода обуславливалось и задачей массовой подготовки переводчиков. Прошло время, когда переводами могли заниматься лишь особо одаренные люди, овладевшие умением переводить либо самостоятельно, либо методом «индивидуального ученичества» под руководством какого-либо мастера-переводчика. Для удовлетворения огромной потребности в

переводчиках во многих странах были созданы переводческие школы, факультеты и институты, перед которыми стояла задача – обеспечить в установленный срок подготовку значительного контингента переводчиков достаточно высокой квалификации. Для решения подобной задачи понадобились рациональные программы и учебные пособия, которые основывались бы на научном понимании сущности переводческого процесса, умении выделить в нем основные этапы и определяющие факторы. Наука о переводе должна была создать необходимую базу для построения эффективного курса подготовки высококвалифицированных переводчиков.

Осуществление массовой подготовки переводческих кадров обнаружило недостаточность традиционной формулы квалификации переводчика: «Для того чтобы переводить, необходимо знание двух языков и предмета речи». Оказалось, что факторы, указанные в этой формуле, сами по себе не обеспечивают умения квалифицированно переводить, что надо не просто знать два языка, но знать их «по-переводчески», то есть в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого. От науки о переводе требовалось определить эти правила и условия.

Теория перевода нужна не только обучающемуся переводу и начинающему переводчику, но и переводчику-профессионалу.

Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудно контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае – к натаскиванию, кроме того, без теоретической базы не может быть научно обоснованной методики преподавания.

Едва ли можно оспаривать полезность теории перевода и для начинающего переводчика. Сознательное отношение к выбору средств и приемов, основанное на знании теоретических положений, освоение опыта лучших переводчиков с определенных теоретических позиций, критическая проверка результатов своей работы – все это способствует росту будущего профессионального переводчика.

Что касается опытного переводчика, квалифицированного профессионала, не получившего теоретической подготовки, то этот вопрос сложнее. Особенно если говорить о переводчиках-практиках, выработавших в ходе многолетней работы определенные руководящие принципы и правила, хотя бы отчасти заменяющие теорию. Ведь значительная часть положений лингвистической теории перевода должна основываться на обобщении переводческой практики. Знание теории может оказать существенную помощь переводчику, защищающему свой вариант перед редактором и критиками. Овладев методом критического анализа переводов, профессиональный переводчик сможет плодотворней использовать передовой опыт в своей области и успешней развивать свое мастерство.

1.4. Сущность перевода

Слово «перевод» имеет несколько значений. Даже когда оно употребляется в прямом смысле, оно имеет два значения: 1) перевод как результат определенного процесса, то есть переводимый текст; 2) перевод – сам процесс, то есть определенная деятельность.

Мы будем рассматривать перевод исключительно с лингвистической точки зрения, как трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке, причем преобразование не стоит понимать буквально, поскольку исходный текст не изменяется сам по себе. Но наряду с ним создается другой текст на ином языке, который мы назовем переводом. Процесс перевода может быть назван преобразованием лишь в том смысле, в котором этот термин применяется в синхронном описании языка вообще. Речь идет о разнице между двумя речевыми единицами, из которых одна является исходной, а другая создается на основе первой (существительному в подлиннике может соответствовать местоимение в переводе).

Таким образом, перевод – это определенный вид трансформации, а именно межъязыковой трансформации. Перевод как межъязыковая трансформация отличается от внутриязыковой трансформации. Переводческая трансформация

есть реально существующее отношение между речевыми произведениями на разных языках, в то время как для трансформации грамматики трансформация есть способ моделирования грамматического строя языка.

Теория перевода рассматривает не любые отношения между текстами языка подлинника и языка перевода, но лишь отношения закономерные, типические. Но есть много единичных соответствий, нерегулярных. Поскольку эти соответствия не поддаются обобщению, лингвистическая теория перевода их не рассматривает. Хотя для практики именно они представляют наибольшую трудность.

Итак, в процессе перевода мы имеем дело с двумя текстами. Следует установить, на основании чего мы считаем второй текст эквивалентным первому. Не всякая замена текста на одном языке текстом на другом будет переводом. Они должны иметь что-то общее. При замене текста на языке «А» текстом на языке «В» должен сохраняться определенный инвариант. Что же остается инвариантным?

Процесс перевода возможен только благодаря двустороннему характеру языковых единиц (начиная с морфемы). Две стороны: план выражения (формы) и план содержания. При этом разные языки содержат единицы, различающиеся по форме, но совпадающие по содержанию (table – стол). Для простоты мы отвлекаемся от факта, что языковые единицы в большинстве многозначны. Явление многозначности усложняет процесс перевода, но не меняет его сущности. На самом деле процесс перевода всегда осуществляется в пределах минимум одного предложения. Причем в предложении снимается многозначность.

Переводом называется *процесс замены речевого произведения на одном языке при сохранении неизменного плана содержания (при сохранении стилистической характеристики в переводе)*. Вся информация должна сохраниться в тексте перевода. Элементы текста перевода, которыми будет передаваться эта информация, несущественны.

2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДА И СПОР О ПЕРЕВОДИМОСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА В РОССИИ

1. Из истории перевода и переводческой мысли. История перевода до XIX века.
2. XVIII век.
3. Основные тенденции перевода и спор о переводимости в западноевропейских литературах.
4. Середина XIX века.

Литература

Федоров. Основы общей теории перевода.

Е. Эткинд. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина.

Соболев. Пособие по переводу с русского на французский.

Комиссаров. Слово о переводе.

Жирмунский. Гете в русской литературе.

Чуковский К. Искусство перевода.

Мастерство перевода: Сборник. – 1966 г., 63, 64 гг. – КАТ. – Т. 9.

Рубрика в «Иностранной литературе»: «Трибуна перевода».

2.1. Из истории перевода и переводческой мысли. История перевода до XIX века

История перевода (по крайней мере, в новое время, то есть начиная с XVI-XVII вв.) изучалась преимущественно, если не исключительно, как история перевода художественной литературы. И это следует признать закономерным, если принять во внимание его огромную роль в истории литературы и культуры и особую сложность этого вида перевода, трудность его задач и наиболее принципиальный характер вопросов, вызываемых им. Вот почему, говоря об истории перевода, художественному переводу будет уделяться основное место.

Начало русской переводной письменности восходит еще ко времени Киевской Руси, поддерживающей оживленные торговые, политические и культурные связи со многими странами. Язык русских переводов древнего периода тесно связан с живым языком тогдашней Руси, несмотря на то что переводы эти принадлежат к таким жанрам, как исторические хроники, «жития святых» и другим видам религиозной литературы. Новейшие исследования показали, что в ряде случаев переводческое мастерство древней Руси подымалось до высокого уровня совершенства, как это было, например, в переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

В XIV–XVII вв., в Московский период, переводная литература продолжала развиваться. Переводились с западнославянских языков, с латинского, с немецкого сочинения разнообразного (характера) содержания: рыцарские романы, богословские трактаты, книги из области географии, алхимии, врачебного дела и др. Переводы поручались чаще всего иностранцам-толмачам из Посольского приказа в Москве, часто их знания русского языка были неудовлетворительными и переводы были тяжеловесными, порой непонятными. Отсюда дословность, проистекавшая не из почтения к букве подлинника, а из неумения выразить содержание переводимого текста. Но и в этот период продолжали возникать переводы высокого совершенства, свидетельствующие о том, каких вершин могло достичь искусство образованных и одаренных русских людей, которые глубоко понимали подлинник и умели решать сложные стилистические задачи.

Постепенно круг переводческой деятельности все больше расширялся в сторону литературы светского содержания. Так, среди других книг в конце XVII в. был выписан в Москву для перевода «Дон Кихот» (в английском переводе).

Переводы этого периода для нас глубокая древность. Достоинства их могут оценить сейчас только специалисты по древнерусскому языку. Новая эпоха в развитии всей русской культуры и литературы, в том числе переводной, начинается в XVIII в., к которому относятся и первые теоретические суждения о переводе.

2.2. XVIII век

Петровская эпоха – это переходный и переломный период для всех областей русской жизни, для перевода в частности. В отличие от допетровских времен, не ощущалось нужды в религиозных переводах, и Петр I в одном из своих указов Синоду весьма категорично выразил предпочтение, оказывавшееся теперь всему мирскому перед церковным. Как известно, Петр I открыл России «двери на Запад», что повлекло за собой усиленное развитие экономических и культурных связей с Западом и обусловило необходимость овладеть большим иноязычным материалом, освоить многочисленные новые научные, технические, культурные понятия. Всем этим и определяется рост в XVIII в. переводной литературы, охватывающей очень широкий круг и литературного, и научного материала того времени и большое число лексических заимствований (и в переводах, и в обиходном языке) и усиление в переводах тенденции к буквальной передаче подлинника.

Если в начале XVIII в. переводились книги по военному делу, технике, по точным наукам, по вопросам права и т. п., отвечавшие непосредственно практическим потребностям новой России, то вскоре возникает и растет интерес к иноязычной литературе. Писатели-переводчики обращаются к творчеству новых западноевропейских авторов, в том числе поэтов, и к наследию античного мира.

От общих и сравнительно простых вопросов (о вреде буквализмов, о необходимости писать понятно) переводческая мысль переходит теперь к темам гораздо более сложным. Русские писатели, критики, переводчики формулируют мысли о возможности преодолевать значительные трудности, обращают внимание на особенности стиля. Так, Тредиаковский, сопровождавший свои переводы пояснениями и рассуждениями, в предисловии к своему переводу сатир Буало, которые он передал с соблюдением числа стихов, отмечал по этому поводу: «Сие подлинно трудно, но сил человеческих не выше». И еще он утверждал: «...переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу

вам больше: ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть».

Оптимизм в вопросах перевода, сказавшийся в этих рассуждениях, показателен и не случаен для XVIII века. Он был основан на вере в широчайшие возможности, открывшиеся перед русским языком. Эти возможности указаны были Ломоносовым: «Карл V Римский Император говаривал, что Ишпанским языком с Богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Италианским с женским полом говорить прилично. Но если бы он Российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка». И надо сказать, что слова Ломоносова оправдались.

Итак, прежде чем выйти в век XIX, век расцвета русской переводческой деятельности, необходимо сделать отступление и остановиться на следующем вопросе:

2.3. Основные тенденции перевода и спор о переводимости в западноевропейских литературах

История перевода знакомит нас с существованием двух тенденций, двух типов передачи иноязычного текста, представляющих крайнюю противоположность по отношению друг к другу. Встречаются они и в античном мире, и в средние века, и в новое время. Это: 1) перевод, основанный на тенденции к дословному воспроизведению языка оригинала – в ущерб смыслу целого и в ущерб языку, на который текст переводится, и 2) перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблюсти требования своего языка. В истории перевода предпринималось немало попыток прийти к определенным обобщениям, выработать какие-то правила переводческой деятельности. Эти обобщения обычно формулировались в виде принципов (требований), которым должен удовлетворять перевод. Подобные

принципы выводились из переводческой практики и сами по себе были неоспоримы, но поскольку они не основывались на какой-либо теоретической модели переводческой деятельности, они обычно затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты этой деятельности.

Фактам, на основании которых выводился тот или иной принцип, не трудно было противопоставить другие факты, прямо противоположный принцип. Сведение воедино основных требований, предъявляемых к переводу различными авторами, дает любопытный список, в котором рядом помещены взаимно исключающие принципы.

Перевод должен передавать слова оригинала, передавать мысли оригинала, читаться как оригинал – читаться как перевод, отражать стиль оригинала, отражать стиль переводчика – читаться как произведение, современный оригинал, – читаться как произведение. Современному переводчику – перевод может допускать добавления и опущения, перевод стихов должен осуществляться в прозе, в стихотворной форме.

Рассмотрим, какие принципы и почему выдвигались на первый план в ходе истории перевода. Итак, в общих чертах существовало две тенденции: **перевод буквальный** и **перевод вольный**.

В качестве примеров первого типа обычно называют некоторые переводы Библии на языки греческий, латинский, средневековой Европы, а также средневековые переводы философских трактатов Аристотеля.

Но буквальность переводов проистекала не столько из осознанного теоретически принципа, сколько из суеверного пиетета, «священного трепета» перед библейскими текстами, равно как и из лингвистической наивности большинства переводчиков всего этого периода, непонимание ими всей степени расхождения между языками, из предположения, что один язык можно приноровить к другому. Отсюда многочисленные ошибки в передаче отдельных слов, синтаксическая запутанность, нарушения норм языка, на который делался перевод. Принцип буквального перевода долгое время какого-либо

теоретического выражения не получал, будучи привычным, само собой разумеющимся.

Второй тип перевода (вольный) применялся чаще к сочинениям светского характера, например к произведениям греческой словесности, передаваемым на латинском языке. Теоретическая формулировка его задачи встречается уже у Цицерона (I в. до н. э.), который относительно перевода речей Эсхила и Демосфена, выполненного им, говорит: «...я сохранил и мысли, и их построение – их (=речей) физиономию, но в подборе слов руководился условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов...».

Если в средние века мысль переводчиков занимал вопрос о способе, каким лучше переводить, но самая возможность удовлетворительного результата их работы не вызывала сомнений, то с начала эпохи Возрождения такие сомнения возникают – сперва, правда, лишь по поводу поэзии. Данте утверждал: «Пусть каждый знает, что ничто заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести».

В конце эпохи Возрождения Сервантес вложил в уста Дон Кихота скептическое сравнение перевода с изнанкой ковра: «Я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой <...> это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне...».

Для эпохи Возрождения с ее интересом к античности, к произведениям светской литературы, вопросы перевода чрезвычайно важны. И если все отчетливее осознавались трудности перевода и несовершенства многих существующих переводов, то продолжалась – и на практике, и в теории – борьба между сторонниками перевода буквального и сторонниками перевода, верного по смыслу, отвечающего требованиям своего языка.

Самым ярким противником дословного перевода на родной язык, как непонятного народу, выступил Мартин Лютер, требующий использования при переводе подлинных ресурсов народного языка, с помощью которых достигалась бы верная передача смысла оригинала и вместе с тем возможность полного понимания переведенного текста для читателя (его перевод Библии на немецкий язык).

Другое направление – вольный перевод – доходило до «перелицовки» на местный лад, заменяя не только образы оригинала более специфическими, местными, но также изменяя имена действующих лиц и обстановку действия. В дальнейшем в XVII–XVIII вв. все большее и большее место занимает вольный перевод.

XVIII век приносит особое явление в области перевода – господство в европейских литературах переводов, полностью приспособляющих подлинники к требованиям эстетики эпохи, к нормам классицизма. Французские писатели и переводчики стремились подчинить иноязычные литературы своим канонам, своим правилам «хорошего вкуса», своему пониманию художественного идеала. Дело доходило до того, что, например, французская переводчица Анна Дасье, переводя «Иллиаду», не позволяла себе языковых «грубостей», существующих в подлиннике, дабы не нарушить «светскую учтивость». Она не произносит слова «осел», заменяя его изящной перифразой: «животное терпеливое и сильное, но медлительное и ленивое» (*L'animal patient et robuste, mais lent et paresseux*). Теоретики и практики классицизма не различали писательских индивидуальностей, но лишь стилистические особенности жанра. Для Николя Буало, а вслед за ним и для других важны были различия между эпической поэмой и сатирой, одой и элегией, идиллией и басней, а не между отдельными сатириками или баснописцами. Эти требования касались и переводов, и в каждом случае переводы предполагали огромную переделку. Этот вид перевода, характерный для эпохи классицизма и очень далекий от наших современных взглядов на перевод, получил распространение и в других европейских странах и сохранился до конца XVII–XVIII вв.

Естественно, что при таком способе перевода старались, вернее, тщательно вытраивали местные, национально-исторические и индивидуальные особенности подлинника тем более, чем ярче эти особенности были выражены. Среди авторов, подвергавшихся особенно существенным переделкам со стороны, например, французских переводчиков, в первую очередь был Шекспир. Своеобразие его настолько поражало французов, что даже такой передовой мыслитель и писатель, как Вольтер, говорил о его «диком, варварском гении». Искажения во французских переводах Шекспира доходили до изменения структуры и композиции его трагедий, до изменений в сюжете.

Французский переводчик «Дон Кихота» Флориан написал к нему предисловие, из которого видно его отношение к гениальному роману Сервантеса и к задачам перевода: «Рабская верность есть порок...[переводу]. В «Дон Кихоте» встречаются излишки, черты худого вкуса – для чего их не выбросить?.. Когда переводишь роман и тому подобное, то самый приятный перевод есть, конечно, и самый верный». Тогдашний переводчик на французский Лоренса Стерна пошел еще дальше: он так и заявил в предисловии, что, находя шутки и остроты английского юмориста неудачными, считает нужным заменить их своими. Но всех превзошел Дидро, который, по собственному признанию, даже не глядел в переводимую книгу, а прочитал ее два раза, проникся ее духом, потом закрыл и стал переводить. Правда, книга была философская, но французы тем же манером поступали и с литературой художественной.

В XIX века появляется новое, в корне противоположное отношение к искусству перевода. Об этом писал Пушкин так: «От переводчиков стали требовать более верности и менее щекотливости и усердия к публике – пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде». Теперь переводчики старались передать местный колорит, особенности стиля поэтов и писателей. Это новое понимание целей и принципов перевода определилось окончательно в эпоху романтизма и нашло своих выразителей в среде деятелей романтической школы – во Франции это А. де Виньи, Шатобриан. Но ограниченность их (романтиков) идеологии имело следствием

невнимание к современности: из иноязычных литератур XIX века они переводили мало. Интересовались они, главным образом, произведениями прошлого, и тем самым в деле ознакомления читателя своего времени с классическим наследием сыграли, конечно, огромную положительную роль («Отелло» де Виньи, «Потерянный рай» Мильтона → Шатобриана; переводы Л. Тика и Авг. Шмиля).

Повышение требований к переводу обострило вместе с тем сознание его трудностей, а в области теоретической мысли оно совпало с развитием взгляда, шедшего вразрез с практикой, – взгляда, согласно которому полноценный перевод вообще невозможен, составляет неразрешимую задачу. Наиболее резко и категорично такую точку зрения высказал не кто иной, как один из основоположников сравнительного языкознания, знаменитый немецкий лингвист, переводчик античной поэзии Вильгельм Гумбольдт.

Это утверждение принципиальной невозможности перевода стояло в непосредственной связи с идеалистическим взглядом Гумбольдта на языки мира, каждый из которых, по его мнению, определяет и выражает национальное своеобразие «духа» (то есть также и мышления), свойственного данному народу, а поэтому несводим ни к одному другому языку, как и своеобразие «духа» одного народа несводимо к своеобразию другого народа.

Этот взгляд разделялся, да и разделяется сейчас многими зарубежными теоретиками. Что же служит основанием для этих [и им подобных] утверждений о невозможности перевода? Прежде всего это действительные трудности всякого перевода (в особенности стихотворного), вызываемые действительным несовпадением формальных элементов разных языков, взятых в отдельности. Например, «непереводимых» слов, идиоматических выражений, случаев игры слов в оригинале и т. п. Далее, преувеличенная оценка роли отдельного формального элемента, метафизический взгляд на литературное произведение как на сумму элементов, каждый из которых обладает якобы своим самостоятельным значением. Наконец, мистическое представление о языке как о

прямом иррациональном отражении «народного духа», которому не могут быть найдены соответствия в другом языке.

Неслучайно, что большинство высказываний о невозможности перевода принадлежит именно поэтам, критикам и филологам, стоявшим на идеалистических позициях, в частности представителям романтизма, а затем символизма. В западноевропейской литературе эта пессимистическая точка зрения на перевод является чрезвычайно распространенной и живучей даже в настоящее время. Она находит опору в концепции американских лингвистов Сепира / Уорда, по которой особенности каждого языка влияют на особенности мышления людей, пользующихся данным языком, а в результате этого содержание мысли, выраженное на одном языке, в принципе не может иметь соответствия в другом, если они различны.

Нет ничего проще, как указать на отдельную особенность того или иного языка, например на наличие видовой формы глагола в русском языке, на наличие артиклей или сложных форм прошедшего времени в немецком, французском или английском языках; указать на отсутствие формально соответствующей особенности в другом языке и отсюда сделать вывод о непереводаемости того смысла, который она выражает, хотя на самом деле смысл может быть передан другими средствами. Например, соответствующим подбором слов; разработаны приемы компенсации потерь при переводе, способы передачи значения более крупных отрезков текста при невозможности перевода отдельных деталей и т. д.

Следует подчеркнуть и другое: идея непереводаемости распространена в буржуазной филологии, как одно из доказательств того, что культурные ценности, созданные в политически господствующих странах, не могут стать достоянием других народов.

Попытки обосновать противоположный взгляд на перевод как на задачу хотя и трудную, но выполнимую встречаются в западноевропейской литературе вопроса гораздо реже. Здесь необходимо отметить Гете, который еще в 1813 году выступил с положением о возможности полноценного перевода. Он писал, что следует одухотворять «не слова, а мысль».

Вопрос о переводе не переставал в дальнейшем привлекать внимание переводчиков и филологов, особенно немецкий. От отдельных статей и высказываний ученые подходят к созданию литературоведческих трудов по истории перевода (ко второй половине XIX века). Западноевропейские работы о переводе на материале переводов с новых западноевропейских языков на родной язык исследователя и на материале переводов с древних языков имеют в основном характер компромиссный: с одной стороны, они содержат интересные наблюдения над конкретными переводами, представляют попытки классифицировать типы перевода и различные случаи, встречающиеся в переводах, с другой стороны, основная и общая задача – полноценное воспроизведение подлинника изображается в них как дело непосильно трудное в целом. Другая группа работ (количественно меньшая) категорично отрицает самую возможность перевода художественных произведений вообще; допускается только передача сюжетно-логической стороны суждений. И только одна работа стоит особняком – попытка обосновать возможность художественного точного перевода (немецкий филолог Виламовиц-Мёллендорф). Более поздние работы отражают в основном те же отношения к проблеме переводимости, как и вышеупомянутые.

В 1930-е и 40-е годы XX века, годы фашистской диктатуры, работ по переводу было очень мало. Однако после Второй мировой войны и в последние годы интерес к проблемам перевода в странах Запада возрастает. Об этом говорит издание ряда журналов и бюллетеней, специально посвященных вопросам перевода, в частности журнала с аллегорическим названием «Babel». Журнал уделяет большое место публикациям на частные темы из области истории, теории и практики перевода. Появляются специальные книги по различным проблемам перевода. Такова вкратце история проблемы переводимости.

Итак, теперь вернемся в Россию рубежа XVIII–XIX вв. Создан русский литературный язык, создается русская литература, выросла целая плеяда талантливых поэтов и писателей. Россия выходит на европейскую арену, ей

нужно наверстывать упущенное – знакомить просвещенных людей с шедеврами мировой литературы.

Александр Блок как-то сказал о русской литературе и русском восприятии:

«Мы любим все – и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений».

И эти слова поэта определяют важнейшую национальную особенность русской литературы, которая на протяжении двух столетий впитывала все лучшее, что создавалось в иноязычной литературе. Можно, пожалуй, сказать, что она в этом отношении не знала соперниц: ни одна из великих европейских литератур не овладевала чужим богатством с такой настойчивостью, с такой спокойной уверенностью в собственной силе, в неизменности своего назначения, как русская.

Но в конце XVIII – начале XIX в., у истоков русской переводческой деятельности, в русских переводах широко представлена тенденция к переделке подлинника, выливающаяся в так называемое «склонение на наши нравы». Так, например, в Державинском переводе стихотворения Горация «Похвала сельской жизни» мы переносимся в чисто русскую обстановку с такими деталями, как «горшок горячих добрых щей», празднование «Петрова дня» и проч. И в дальнейшем это «склонение на наши нравы» получает большое распространение. Переводчики Буало превращают Париж в Москву, в другом переводе Леонора становилась Людмилой или Ольгой. Жуковский, отец русского перевода, в начале своего творчества был тоже близок к французской точке зрения (XVIII в.) на перевод как на задачу, требующую усовершенствования оригинала. Жуковский, требуя для переводчика поэтических произведений большой творческой свободы по отношению к тексту оригинала, мотивировал это несоответствием языков и необходимостью поисков таких средств, которые полнее всего раскрыли бы характеры и переживания героев и весь смысл переводимого. Для того времени характерным было

представление о поэзии как о более высоком роде литературы (сравнительно с прозой), и Жуковский противопоставляет перевод прозаический и поэтический. «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник». Важно отметить, что среди поэтических жанров самым трудным для перевода Жуковский считает басню в силу ее «простонародного» характера. Но для раннего Жуковского было важно верно передать стилистические особенности жанра, писательские индивидуальности он не различал, будучи последователем теории и практики классицизма. Для русских переводчиков этого периода важны были различия между эпической поэмой и сатирой, одой и элегией, идиллией и басней, а не между отдельными, скажем, баснописцами и пр.

Странно, что идея перевода абсолютного, объективного, внеличного, намного пережила классицизм как эстетическую концепцию определенного этапа развития искусства, она дожила и до наших дней, принимая то одну, то другую форму, нередко вступая в противоречие с художественной практикой современности. Это кажется совсем уж анахроничным, когда речь идет о крупнейших произведениях новой поэзии, проникнутых личным авторским началом. Примером такого «возвращения вспять» может послужить однотомник Гете, выпущенный в 1963 году Детгизом. О переводах «Фауста» здесь сказано между прочим: перевод Н. Холодковского отличается большой точностью, но поэтические его достоинства неравноценны. В советское время «Фауст» заново переведен Б. Пастернаком, которому особенно удалось лирические сцены. В настоящем издании мы даем трагедию Гете в избранных переводах. Кроме Н. Холодковского и Б. Пастернака, русского Фауста представляют Д. Веневитинов и В. Брюсов.

С точки зрения Сумарокова, издатели «Фауста» поступили в высшей степени справедливо: они игнорировали личные черты и автора, и четырех его переводчиков, стремясь лишь к воссозданию некоего объективно-идеального «Фауста». С точки зрения эстетики XX в. он, этот современный нам издатель, совершил акт беспрецедентный: соединил вместе, в едином произведении Любомудра Д. Веневитинова, профессионального переводчика второй половины

XIX века Холодковского, символиста-просветителя, а как переводчика «Фауста» – буквалиста Брюсова и прямо противоположного ему по творческим принципам, безудержно субъективного лирика Пастернака. Причем этот противоестественный сплав мотивирован классицистской идеей приближения к идеалу. В результате Фауст говорит по-разному в пределах одной и той же первой сцены трагедии:

«Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!»

(Холодковский)

У Брюсова:

«Небесное, к чему наш дух стремится,
Все дальше гонится земным;
Когда житейских благ нам удалось добиться,
Мы лучшее – обманом, тенью мним...»

Б. Пастернак:

«Ликующие звуки торжества,
Зачем вы раздаетесь в этом месте?
Идите там, где набожность жива,
А здесь вы не найдете благочестья,
Ведь чудо – веры лучшее дитя».

Видно, что эти отрывки принадлежат не только разным поэтам, отличающимся друг от друга индивидуальными средствами и пристрастиями, но и разным эпохам русской литературы. У Холодковского преобладают образно-опустошенные поэтические штампы эпигонов прошлого века, которых у Гете нет и в помине («вид, сердцу милый», «блаженство зажглось в груди моей», «счастье юных дней», «пламенно заструилось по жилам»), у Брюсова – неуклюжие кальки немецкой поэтической метафорической фразеологии («небесное... гонится (!) земным», «лучшее – обманом... мним»), у Пастернака – безостановочный лирический поток и весьма современная фактура. Так или

иначе то, что было до известных пределов допустимо в XVIII веке, в наше время оказывается вопиющим нарушением эстетических норм.

Новую эпоху в истории русского перевода, как и во всей истории русской литературы и в истории русского литературного языка, открывает собою время Пушкина и тот пример, который сам он подал переводчикам своего времени немногочисленными переводами стихов и прозы, часто очень далекими от внешней точности, но замечательными по глубине художественного постижения подлинника.

Пушкин в разные периоды своей жизни перевел эпиграммы французских поэтов XVII–XVIII вв., стихи Вольтера и парни, отрывки из поэзии Андре Шенье и древнегреческой лирики, оду Горация, из Ариосто, из Мицкевича, наконец, отрывки из «Корана», из библейской «Песни Песней». Переводы Пушкина из французской поэзии XVII–XVIII вв. часто представляют собой спор с авторами: Пушкин сокращает, переделывает, перестраивает художественно незначительные по темам стихи парни или эпиграммы как бы для того, чтобы показать, как по-настоящему следует обработать ту же мысль, тот же сюжет, придав им пафос или остроту.

Обращаясь же в период своего зрелого творчества к подлинно крупным поэмам (Мицкевич, Гораций, Шенье), Пушкин всемерно сохраняет, даже выделяет элементы специфического своеобразия, в частности черты местного и исторического колорита.

Принцип украшающего, «исправительного» перевода, столь распространенный во Франции XVII–XVIII вв., вызвал жестокую критику Пушкина, связанную с требованием уважать своеобразие иностранного автора. Но отрицание буквального перевода, приводящего к насилию над родным языком, является столь же характерной чертой взглядов Пушкина на перевод, как и требование смысловой верности и сохранения своеобразия оригинала.

В пушкинское время принципиально иной взгляд на перевод обосновывал теоретически и осуществлял его на практике старший современник поэта П. Вяземский. Его метод и принцип – формальное, дословное следование

смыслу и синтаксису подлинника, экспериментирование над русским языком – не оказали влияния на дальнейшее развитие перевода в России и не приобрели популярности. И именно примером Пушкина следует во многом объяснить тот высокий уровень, на котором (в целом) находятся переводы, принадлежащие лучшим русским поэтам XIX века.

Жуковский в своей деятельности как переводчик уже с 1810 гг. начинает отказываться от классицистского метода переделки, от «склонения на наши нравы». Основным круг переводимых им поэтов – романтики (исторические и мифологические баллады Гете, Шиллера, «Шильонский узник» Байрона и др.). В последний период своей жизни он обращается к монументальным произведениям эпоса – индийского («Наль и Дамаянти») и древнегреческого («Одиссея», по специально сделанному для него подстрочнику).

Несмотря на идейную ограниченность литературных интересов Жуковского, на его придворно-аристократические симпатии, на его приверженность к реакционному романтизму, проповедь смирения и т. д., он в своих переводах отразил и прогрессивно-гуманистические течения западноевропейской поэзии.

Пушкин, прекрасно видевший слабые стороны поэта, очень высоко ценил его деятельность переводчика, признавая его «гением перевода», и сказал о Жуковском: «В бореньях с трудностями силач необыкновенный». Гоголь, в связи с переводом «Одиссеи», дал замечательное определение заслуги Жуковского: «переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла». Белинский называл Жуковского «необыкновенным переводчиком», отмечая в то же время его субъективность. Жуковский перевел очень много, и переводы составляют едва ли не больше половины написанного им. Значение его переводов было в том, что они оставляли у читателя впечатление художественной подлинности, как будто перед читателем находилось оригинальное произведение.

Пример глубоко самостоятельного творческого отношения к оригиналу показывают и переводы Лермонтова (1829 – 1841 гг.). Они немногочисленны, и

некоторые из них переходят в вариации на тему подлинника (Гейне, Байрон и пр.). Его переводы значительны прежде всего в плоскости его собственного творчества, как русские стихи, ставшие классическими.

2.4. Середина XIX века

Это время ожесточенной идейно-политической борьбы в русской литературе, борьбы между писателями-родоначальниками, носителями революционно-демократических начал, ставит искусство на службу народу, с одной стороны, и представителями реакционного дворянства и либеральной интеллигенции, приверженцами «искусства для искусства», с другой.

В 1840 – 60 гг. появляется много стихотворных переводов как из первого лагеря (Плещеев, Михайлов, Курочкин), так и из второго (Фет, Майков, Каролина Павлова, А.К. Толстой). Естественно, что у обоих лагерей были свои интересы в области иностранной литературы. Первых привлекали стихи общественно-политического содержания, сатирического обличения, вторых – любовная и индивидуалистически-созерцательная лирика.

Переводы, принадлежавшие представителям двух борющихся в этот период лагерей, различаются по своим методам и тенденциям. Переводы Фета и др. отличаются большим вниманием к формальному своеобразию подлинника (размеру, рифмовке) и к отдельным деталям. Переводы Курочкина из Беранже, например, содержат огромные отступления от буквы подлинника, вплоть до использования многих деталей и имен, специфических для русского быта, однако эта вольность вызвана стремлением к передаче своеобразия оригинала как целого, вызывающего у читателя и слушателя чисто бытовые, привычные для него ассоциации.

Некоторые переводы этого периода стали классическими, в частности стихи Беранже (Курочкин), а также «Коринфская невеста», «Бог и баядера» Гете в переводах А. Толстого.

Что касается теории, то сторонником формальной точности и дословности в переводе, вернее, единственным защитником этого принципа являлся Фет. Но

в своем формализме он был одинок и не имел успеха. Зато имел огромный успех в области перевода прозы яркий и своеобразный переводчик Иринарх Введенский (40 – 50-е гг.) – переводил Диккенса и Теккерея. По своему принципиальному стремлению – передавать не букву, а дух подлинника он мог бы быть сопоставлен с некоторыми переводчиками-поэтами того же времени, если бы это стремление не переходило у него постоянно в субъективный произвол, даже в насилие над оригиналом. Его переводы, сделанные живым, свободным от буквализмов языком тем не менее часто грешат небрежностью оборотов, а иногда и простой безграмотностью отдельных словосочетаний («облокотился головою»). Кроме того, И. Введенский подменял детали быта и обстановки, как бы перенося их в свою среду (плед – бекеша; кепи – шапка; с кучером и лакеем «тыкали» и пр.).

3. ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

1. Безэквивалентная лексика ложные эквиваленты.
2. Понятие реалии.
3. Перевод реалий
4. Просторечие. Диалект. Жаргон, арг, ломаная речь. Каламбуры. (Отклонения от литературной нормы.).
5. Иноязычные вкрапления.
6. Передача имён собственных.
7. Передача сокращений.
8. Перевод фразеологических единиц: (ФЕ – общие положения и перевод ФЕ)

Литература к лекции

А.В. Федоров. Основы общей теории перевода.

С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. – П. 80.

Л. Бархударов. Язык и перевод. – Стр. 94, 125.

Н. Галь. Слово живое и мертвое.

Тетради переводчика. – Вып.19. – Стр. 113.

Тетради переводчика. – Вып.18. / ст. Менаховой К.Н. Русские собственные имена во французском переводе.

С. Флорин. Муки переводческие (о собственных именах в т.ч.). – П. 84.

Р.С. Гиляревский, Старостин. Иностранные имена и названия в русском тексте.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.

Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка.

3.1. Безэквивалентная лексика и ложные эквиваленты

Лексикологические проблемы перевода заключаются: в переводе реалий общественной жизни и материального быта; в передаче собственных имен, прозвищ и их фонетическом оформлении; в переводе фразеологических явлений (идиомы, пословицы и поговорки и т.д.), сокращений, отклонений от литературной нормы.

Основные лексические проблемы возникают при переводе так называемой **безэквивалентной лексики**. Под безэквивалентной лексикой имеются в виду лексические единицы (слова и устойчивые сочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Сюда относятся в основном следующие группы слов:

1) **Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов (теплоходов)** и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка. Например, таким фамилиям, как DR или населенным пунктам Kos нет никаких эквивалентов в английском и французском языках в отличие от таких фамилий как Пушкин, Достоевский или таких географических названий, как Москва, Крым, Сибирь, и наоборот. Не всегда можно провести четкую разграничительную черту между безэквивалентными именами собственными и теми, которые имеют в словаре другого языка постоянные значения. Однако в целом можно считать, что к числу безэквивалентной лексики относятся имена собственные и названия,

малоизвестные для носителей другого языка (учитывая, конечно, что понятие «малоизвестный» является относительным и недостаточно строгим).

2) Так называемые **реалии**, т.е. слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. О реалиях мы сегодня будем говорить более подробно.

3) Так называемые **случайные лакуны**, т.е. те единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка. Например, во французском языке (и в английском языке) нет единицы, соответствующей по значению русскому «сутки», так что данное понятие приходится передавать на французский язык описательно: либо путём указания на количество часов, например: «Я уеду через сутки» = «Je partirai dans 24 heures», либо же, если подчёркивается непрерывность, круглосуточность действия, то сочетанием «jour et nuit» («Они работали четверо суток» = «Ils ont travaillé 4 jours et nuits»). Подобным образом во французском языке отсутствуют словарные соответствия русским существительным: *именинник*, *кипяток* (l'eau bouillante), *смена* (à 2 postes équipe), *пожарище* (lieu d'un incendie) и др.

В большинстве случаев найти «рациональное» объяснение отсутствию слова с определённым значением в одном языке и его наличие в другом не удаётся, и мы вынуждены, как и вообще при описании разницы между двумя языками, ссылаться на «национальную самобытность» строя того или иного языка.

Наряду с отсутствием эквивалентов следует указать и на ложные эквиваленты словам другого языка. Последние называют ещё «ложными друзьями переводчиков». *Ложный эквивалент* – слово, полностью или частично совпадающее по звуковой или графической форме с иноязычным словом (или близкое к нему), но имеющее другое значение при известной смысловой близости (отнесённости к одной общей сфере применения). Последнее обстоятельство как раз и обуславливает частую возможность ошибок. Примером может служить французское «artiste» (английское artist etc.), означающее

«человека искусства», «деятеля искусства», «художника вообще», немецкое «Artist», означающее «артиста цирка или эстрады», и русское «артист», обобщённо означающее в современном языке «актёра любого вида театра» при гораздо большем редком и сугубо литературном, несколько устарелом значении «человек искусства», «художник в широком смысле» (как во французском). Французское слово «ignorer» – «не знать» и русское «игнорировать» – «не желать знать»; английское «regular» – «точный», «правильный», а также «справедливый», «настоящий» etc. (*регулярный осёл – надо круглый дурак*) «Я съел два Наполеона».

«Ложные друзья переводчика» не представляют какой-либо принципиальной проблемы или особой трудности перевода, но о них надо упомянуть, во-первых, ввиду неточностей, имеющих в двуязычных словарях, а во-вторых, ввиду возможности таких случаев, когда применение ложного эквивалента меняет смысловую и стилистическую окраску.

3.2. Реалии

Перевод реалий – это часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия. Этой области в той или иной степени, с той или иной точки зрения касались и касаются все теоретики перевода, из неё переняли свои доводы сторонники непереводаемости, их отвергали теоретики-реалисты, указывая и доказывая возможности передачи колорита путём отхода от перевода «буквы».

Подробнее остановимся на самом термине «реалия». На вопрос, к какой категории языковых средств следует отнести реалии, специалисты не дают однозначных ответов. Некоторые толкуют реалии довольно широко, считая, что понятия, относящиеся к числу реалий, могут быть выражены отдельными словами (маёвка, декабристы, щи); словосочетаниями (Мамаев курган, дом отдыха); предложениями (не всё коту масленица); сокращениями (гороно, комсомол, ЦПКиО). Но большинство авторов относит к реалиям «слова»,

«лексические единицы», добавляя иногда «словосочетания». К этой точке зрения присоединимся и мы.

Итак, реалии – в большинстве своём только **слова**, изредка **словосочетания**, то только «номинативные словосочетания», т.е. такие сочетания слов, которые семантически равны слову: если мы считаем реалиями такие слова, как «кортесы», «сейм», то логично причислить к ним и болгарское «Народное собрание» и монгольский «Великий народный хурал». А у Н. Гоголя из 132 единиц (украинизмов), приведенных в его словариках, имеется только 4 таких словосочетания: (лысый дидько = домовой; голодная кутья = сочельник; петров батог = трава и тесная баба = игра).

Другой формой реалий являются **сокращения** (аббревиатуры). Включение их в число реалий логично, так как они представляют собой стянутые в одно «слово» номинативные сочетания (вуз, загс, собес).

Грамматическая форма реалий связана в первую очередь с определением её принадлежности к данной части речи, к различным грамматическим категориям. 1. Все наблюдения показывают, что как часть речи реалии в подавляющем числе случаев – имя существительное. (На это указывает и словарь Гоголя, и список японских слов, приложенных к сб. произведений Я. Кавабата, и др.) Это обусловлено предметным содержанием реалий как особого класса лексики.

Ставится под вопрос возможность отнесения к реалиям производных от реалий частей речи, но они должны если не полностью, то частично сохранить свой национальный или исторический колорит. Это, например, группа отыменных прилагательных, генетически связанных с реалиями. Например (вершковый), аршинный, саженный, пудовый, фунтовый, совхозный, фараонский, балалаечный. При переводе же этих прилагательных независимо от того, будем ли мы относить их к реалиям или нет, следует обращаться с ними очень осмотрительно: в самих словах этих сохраняется достаточно аромата места и эпохи, чтобы заставить переводчика отказаться от нейтральных замен.

2. Войдя в ПЯ, одни из чужих реалий полностью акклиматизируются на новом месте и, чувствуя себя как дома, начинают пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности хозяев, т.е. получают определенный род (мужской, женский, средний) и способность изменяться в зависимости от роли в предложении по падежам и числам (хунвейбин, тореадор, сауна, чалма). Другие, благодаря своей форме, отличающейся от формы, присущей словам ПЯ, оказываются менее гибкими и «контактными», приживаются труднее и остаются в категории несклоняемых, как, например, дацзыбао, лассо, сари, ранчо и др. Большинство этих слов среднего рода.

3. Одним из показателей «освоенности» чужой реалии в ПЯ может быть её способность к репродукции. Примером может служить слово «ковбой». Войдя в русский язык как существительное мужского рода 1 склонения, оно вместе с тем образовало прилагательное «ковбойский» (ковбойская рубашка, ковбойская шляпа) и существительное «ковбойка» (ковбойская рубашка). Более интересным случаем является слово «хиппи», когда слово само по себе недостаточно «обрусело» (осталось несклоняемым), но тем не менее дало целый ряд отпрысков-производных: «хипповать, захипповал, хиппово, хипповый, хиппари» и даже в «Крокодиле» было прилагательное «хипповатый» («Гоша длинноволос и хипповат»). От одной только этой реалии у нас образовался чуть ли не полный набор частей речи.

Итак, определив место реалии среди языковых средств и её грамматическую форму, нам необходимо дать определение самому слову «реалия» как особой категории средств выражения.

Реалии – это слова (или словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода.

Некоторые места этого определения нуждаются в комментарии (например, «объекты, характерные для жизни народа»), поэтому естественным продолжением и развитием данного определения будет классификация реалий.

Итак, предметное деление (классификация) реалий.

1. Географические реалии.

Названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии: степь, прерия, сопка, солончак, фиорд, мистраль, джунгли, торнадо, саванна, вельд, пампасы.

2. Этнографические реалии.

1) Быт:

а) *пища, напитки*: щи, борщ, чебуреки, люля-кебаб, пирог (пирожки), спагетти, кнедли, кумыс, эль, сидр; бытовые заведения (общественного питания и др.): чайхана, таверна, салун, драгстор, бистро, пирожковая, неверия; сауна, термы;

б) *одежда* (в том числе обувь и головные уборы): кимоно, сари, тога, унты, валенки, лапти, мокасины; сомбреро, чалма, паранджа, кокошник и др.

в) *жильё, мебель, посуда, утварь*: изба, хата, юрта, иглу, вигвам, чум, бунгало, сакля, горница, девичья, буржуйка (печь), амфора, куманец;

г) *транспорт* (средства и водители): рикша, фиакр, кэб (не реалия, они были во многих странах, только название не менялось), тройка, нарты, ландо (не реалия), паланкин, пирога, катамаран, джонка, ямщик, кэбмен, гондольер;

д) *другие*: махорка, дом отдыха, путёвка.

2) Труд:

а) *люди труда*: передовик, ударник, бригадир, фермер, гаучо, консьержка, дворник, феллах, грум;

б) *орудия труда*: мачете, бумеранг, лассо;

в) *организация труда (в том числе хозяйство)*: колхоз, ранчо, латифундия, глак, агрокомплекс, бригада, гильдия (не реалия, они были во многих странах, только название не менялось).

3) Искусство и культура:

а) *музыка и танцы*: казачок, гопак, лезгинка, тарантелла, блюз, шейк, краковяк etc.;

б) *музыкальные инструменты*: балалайка, там-там, гусли, кастаньеты, банджо;

в) *фольклор*: сага, былины, руна, частушки, витязь, батыр;

г) *театр*: но, комедия дель арте, мистерия, хэппенинг, арлекин, петрушка, полишинель, (икебана – предмет искусства);

д) *исполнители*: миннезингер, трубадур, менестрель, акын, скальд, бард, кобзарь, скоморох, гейша, гетера;

е) *обычаи, ритуалы*: коляда, конфирмация, вендетта, церемония тя-но-ю (чайная церемония), тамада, масленица, рамадан;

ж) *праздники, игры*: Первомай, День Победы, Пасха, лапта, городки, крикет, городошник;

з) *мифология*: леший, Дед Мороз, тролль, валькирия, вурдалак, эльф, гном, Баба Яга, ковёр-самолёт, Жар-птица;

и) *культы*: лама, ксендз, шаман, бонза; гугеноты, хлысты, мормоны, квакеры, дервиши; *культовые здания*: мечеть, пагода, костёл, синагога, скит.

4) Метры и деньги:

а) *единицы мер*: аршин, фут, сажень, ярд, пуд; акр, кварта, пинта; локоть;

б) *денежные единицы*: рубль, копейка, лев, стотинка, лира, франк.

3. Общественно-политические реалии.

1) Административно-территориальное устройство:

а) *административно-территориальные единицы*: губерния, область, департамент, графство, кантон, вилайят, воеводство;

б) *населённые пункты*: аул, станица, хутор, бидонвиль, стойбище;

в) *детали населённого пункта*: кремль (не Москва), ряд, сук, променад.

2) Органы и носители власти:

а) *органы власти*: Народное Собрание; великий народный хурал; стортинг, Кнессет, кортесы, меджлис, сейм, риксдаг; вече, Дума, рада; муниципалитет, исполком;

б) *носители власти*: канцлер, хан, царь, шах, дож, фараон; лорд-мэр, шериф, визирь, гетман, алька(ль)д.

3) Общественно-политическая жизнь:

а) *политическая деятельность и деятели*: большевики, троцкисты, маоисты; ку-клукс-клан, виги, тори; гвельфы и гибеллины;

б) *патриотические и общественные движения (и их деятели)*: партизаны, маки, карбонарии; славянофилы, западники;

в) *социальные явления и движения (и их представители)*: бизнес, нэп, нэпман, лобби, болельщик, тиффози, стилига, хиппи;

г) *звания, титулы, степени, обращения*: кандидат наук, бакалавр, заслуженный деятель культуры, народный учитель, агреже; князь, принц, граф, барон, лорд; столбовой дворянин, статский советник; мистер, сэр, сир, мадам, барышня, фрекен, герр, масса;

д) *учреждения*: облоно, наркомпрос, загс, торгпредство;

е) *учебные заведения*: колледж, медресе, кампус;

ж) *сословия и касты (и их члены)*: дворянство, мещанство, купечество; гранд, юнкер, дворянин; брахман, пария; самурай, барин, мужик, феллах;

з) *сословные знаки и символы*: красное знамя, пятиконечная звезда, белая лилия (fleur de lis), свастика, Юньон джек, Весёлый Роджер).

4) Военные реалии:

а) *подразделения*: легион, фаланга, табор, сотня, орда, когорта;

б) *оружие*: арбалет, аркебуза, мушкет, ятаган, катюша, таран, финка;

в) *обмундирование*: шлем, кольчуга, китель, бушлат;

г) *военнослужащие*: атаман, есаул, сотник, десятник, янычар, унтер, урядник; драгун, кирасир.

Все реалии можно распределить иначе (такая классификация нам пригодится далее); это касается тех же реалий, но рассмотренных под другим углом зрения:

Реалии свои и чужие (в плоскости одного языка). *Свои* реалии – это большей частью исконные слова данного языка. Например, в русском языке – самовар, боярин, Совет, комсомолец; во французском – *fiacre*, *boche*. *Чужие* реалии – это либо заимствования, т.е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо калька, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы. Примерами чужих реалий могут быть румынское «брынза» – в русском, американское «бизнес» – в русском, русское «спутник» – чуть не во всех европейских языках и т.д.

3.3. Перевод реалий

Пути проникновения реалий

Понятие «перевод реалий» дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке), и, опять-таки, как правило, она передается (в контексте) не путем перевода.

«Если говорить о непереводаемости, то именно реалии, как правило, и непереводаемы», писал Л. Соболев. А известный теоретик перевода И. Левый не зря упоминает реалии в числе крестных мук переводческих. И тем не менее «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространённым сочетанием слов данного языка» (Федоров) – это в отношении словарного перевода, и «то, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого», т.е. в отношении контекстуального перевода. Так что вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалии, а к тому, как её перевести.

Основных трудностей передачи реалии при переводе две:

- 1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента) из-за отсутствия у носителя этого языка обозначаемого реалией объекта и 2) необходимость

наряду с предметным значением (семантикой) реалий передать и колорит – её национальную и историческую окраску.

Дело значительно осложняется ещё необходимостью учитывать целый ряд обстоятельств, мешающих дать один на все случаи жизни ответ. Безусловно лишь одно: рецептов и здесь (как в переводе вообще) нет, и переводчик, учитывая общие теоретические положения и опираясь на владение языками, на фоновые знания, на свой опыт и чутьё, но, в первую очередь, на «контекстную обстановку» в каждом отдельном случае, выбирает наиболее подходящий, иногда единственно возможный путь.

Из практики перевода известны следующие способы передачи безэквивалентной лексики:

I. **Транскрипция** (транслитерация – для имен собственных) реалий предполагает механическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме: русские «пельмени» по-болгарски «пелмени», французская «taverne» будет «таверной» в русском, американское «drugstor» → драгстор. В западноевропейских языках, в общественно-политической литературе можно встретить такие транслитерации русских реалий, как Soviet, spoutnik, kolkhoz, sovkhos etc. Этот способ особенно распространён в общественно-политической литературе и публицистике как переводной, так и оригинальной, но чаще всего описывающей жизнь и события за рубежом. К такому приёму нередко прибегают двуязычные словари при передаче безэквивалентной лексики. Например, в большом русско-французском словаре под редакцией Щербы слова «борщ → borchtch (m) = soupe à la betterave; квас → kwas /kvas/ (m) = boisson fermentée russe; калач → le kalatch = petit pain en forme de cadenas; le samovar; la matriochka (= poupée russe); водка → la vodka (= eau-de-vie de grain), т.е. передаются транслитерацией с последующим пояснением, т.е. описательным переводом.

При передаче произведений художественной литературы этот приём встречается реже. Чаще переводческая транскрипция сочетается здесь с

описательным переводом. И это вполне обоснованно – передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает её значения, и такого рода слова читателю, не знающему ИЯ, без соответствующих пояснений остаются непонятными. Поэтому указанным приёмом при передаче иноязычных реалий следует пользоваться умеренно.

II. Калькирование – передача безэквивалентной лексики ИЯ при помощи замены ее составных частей – морфем или слов – их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ. Классический пример: скалькированные с английского языка «skyscraper» небоскреб (во французском – «gratte-ciel»). (В отличие от «высотного здания», благодаря этому противопоставлению чувствуется «западный колорит» кальки.) Калек-слов в работе с реалиями встречается намного меньше, чем калек-словосочетаний. «Красноармеец» калькируется французами «Soldat de l'Armée Rouge»; японские «чайный домик» и «чайная церемония» тоже кальки; кальками передаются и наименования ряда праздников – Первомай = Le Premier Mai, День Победы, День Химика etc.

Как транскрипция, так и калькирование не всегда раскрывает для читателя, незнакомого с ИЯ, значение переводимого слова или словосочетания. Причина – сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равняющееся сумме значений их компонентов. Так, неподготовленному читателю слова «заднескамеечник» и «большое жури» вряд ли скажут что-либо без развернутых пояснений.

III. Описательный (разъяснительный) перевод. Встречается чаще. Этот способ передачи безэквивалентной лексики заключается в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, т.е. по сути дела при помощи ее определения на ПЯ. Этот прием обычно используется тогда, когда нет другого выхода. (Пожарище – lieu d'incendie; армяк – одежда из грубой шерсти; кулебяка – тестяное кушанье с

начинкой; борщ и прочая еда, наряду с уже упомянутой транскрипцией, употребляется описательный перевод.)

Необходимо отметить, что описательный перевод хотя и раскрывает значение исходной безэквивалентной лексики, но имеет тот серьезный недостаток, что он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономным. Поэтому, хотя он и является обычным средством передачи безэквивалентной лексики в двуязычных словарях, при переводе текстов, особенно художественных, его применение не всегда возможно, как и применение транскрипции и калькирования. Часто переводчики прибегают к сочетанию двух приемов – транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске или в комментарии. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственных транскрипции (и калькированию), с раскрытием семантики данной единицы, достигаемым через описательный перевод: разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой будет уже понятен читателю.

IV. Приближенный перевод (перевод при помощи аналога) заключается в изыскании ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий. «Аналоги» нередко используются во французской и английской периодической и общественно-политической литературе для обозначения явлений, характерных для светской действительности (т.е. для передачи так называемых «советизмов»). Например, Горсовет = Conseil Municipal, техникум = école secondaire spécialisée (наряду с транскрипцией), путевка в дом отдыха = bon de séjour. Часто аналоги удобны для передачи реалий мер, в частности, когда они предназначены для создания у читателей каких-либо качественных представлений: столько-то лье – очень далеко, сто пудов – очень тяжелый, ни копейки – ничего, никаких денег.

Иногда приближенный перевод пользуется известным в теории перевода приемом генерализации (т.е. принципом родо-видовой замены). Так, можно заменять «нарзан» и «боржоми» родовым понятием «минеральная вода». По

тому же принципу, при определенных предпосылках (!), можно переводить реалии «изба, хата, сакля, коттедж» и др. «домом», «черевики, чувяки и лапти» – «обувью» и т.д.

Применяя в процессе перевода «аналоги», следует иметь в виду, что они лишь приблизительно передают значение исходного слова и в некоторых случаях могут создать не вполне правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления. Так, обычная передача американизма «drugstore» как «аптека» не дает полного представления о функциях этого заведения – в русских аптеках продаются только лекарства (и иногда косметические средства), в то время как в американских «drugstore» продаются также предметы первой необходимости, газеты, журналы, кофе, мороженое и т.д., кроме того, они функционируют как закусочные. Поэтому, когда реплика героини одного из американских фильмов, демонстрировавшегося в свое время на советских экранах, переводилась в субтитрах как «В аптеках ужасно кормят», это вызывало непонимание у зрителей. В данном случае более уместным был бы другой русский аналог – «закусочная».

Учитывая это, опытные переводчики при использовании аналогов дают требуемые пояснения в комментариях к переводу. Так, русское «князь» принято переводить английским «prince», но это английское слово по значению скорее совпадает с русским «принц». Поэтому английский читатель, встретив в переводе романа Достоевского «Идиот» князя Мышкина, может принять его за принца, что вызовет у него полное непонимание действительного положения вещей; правильно поэтому поступил переводчик, который дал в комментарии к роману пояснение того, кем были князья в дореволюционной России.

Таким образом, мы видим, что отсутствие прямых эквивалентов определенным разрядам лексических единиц в словарном составе другого языка отнюдь не означает их «непереводимость» на этот язык. В распоряжении переводчика имеется, как было показано, не одно, а целый ряд средств, дающих возможность передать значение исходной словарной единицы в речи, в конкретном тексте. Но надо уметь извлечь практическую пользу из этого

перечня возможностей, и для этого нужен ряд ориентиров, чтобы, экономя время на поиск, остановиться на оптимальном для конкретного случая приеме.

Так, выбор пути зависит от нескольких предпосылок: 1) от характера текста; 2) от значимости реалии в контексте; 3) от характера самой реалии, ее места в лексических системах ИЯ и ПЯ; 4) от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературных и языковых традиций; 5) от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

1. Выбор приема передачи реалии в зависимости от характера текста делают с учетом жанровых особенностей литературы: в научном тексте реалия чаще всего является термином и переводится соответственно термином. В публицистике чаще всего прибегают к транскрипции, а в художественной литературе выбор зависит от самого характера текста. Например, в прозе, транскрибируя, можно рассчитывать на пояснения в сноске, что в принципе невозможно для драматического произведения; при переводе рассказа решение может быть иным, чем при переводе романа; в детской повести следовало бы максимально воздерживаться от транскрипции или, вводя в текст чужую реалию, тут же пояснять ее; в приключенческом романе транскрипция может оказаться хорошим решением – элемент экзотики, присущий этому жанру; в научно-популярном произведении уместны были бы и достаточно исчерпывающие комментарии в соответствии с познавательной направленностью произведения.

Наблюдения показали, что в «гладком» художественном тексте, в авторской речи, в описаниях и рассуждениях транскрипция принимается легче, шире возможности раскрытия содержания реалии, в то время как в прямой речи, в диалоге лучше искать другие решения.

2. Выбор в зависимости от значимости реалии в контексте, т.е. степень ее освещенности в контексте. В зависимости от того, сосредоточено ли на ней внимание читателя, стоит ли она на виду или же является незаметной деталью в тексте подлинника, по-разному будет решаться вопрос о выборе приема передачи реалии. Многочисленные наблюдения показали, что меньшим злом транскрипция реалии будет в тех случаях, когда и в подлиннике на ней

сосредоточено внимание, когда она так или иначе стоит на виду или является носителем более интенсивной семантической нагрузки (например, Гончаров).

Бывает, что переводчик, распознав в тексте реалию, порывается ее транскрибировать, не взвесив хорошенько, является ли транскрипция меньшим из двух зол. Таким образом, нередко получается, что, стараясь передать колорит, он не передает смыслового содержания реалии, упускает решение основной, коммуникативной задачи перевода, или, наоборот, что бывает чаще, сосредоточивает внимание читателя на малозначительной детали явно вразрез с замыслом автора. Например, в хорошем переводе на болгарский язык романа «Война и мир» мы находим перенесенную из подлинника (и даже оговоренную в подстрочном примечании) реалию «рейтузы», которую в этом контексте можно было передать иначе: «На подложенной шинели была кровь, в которой запачкались рейтузы и руки Ростова». Здесь «рейтузы» – совершенно ничтожная деталь; вместо того чтобы заменить их, допустим, «брюками» или даже «одеждой», переводчик отвлекает внимание читателей толкованием военной реалии («узкие брюки для верховой езды») и уводит его от самого факта наличия крови на орудии – предмета дальнейшего разговора. «Перегрузка необязательными реалиями не сближает читателя с подлинником, а отдаляет от него», – писал И. Кашкин.

3.4. Отклонение от литературной нормы

А. Фёдоров пишет: «Непередаваемые особенности действительно есть. Действительно непереводаемыми являются лишь те отдельные элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку, т.е. в основном *диалектумы* и те слова *социальных жаргонов*, которые имеют ярко выраженную местную окраску».

Правда, надо сказать, что диалект, просторечие, жаргон «подчиняются своим нормам» (и поэтому Рецкер Я.И. считает, что их не следует относить к нарушениям литературной нормы). Но если исходить из понятия о нормах

литературного языка, то наиболее удобным можно всё же считать термин «отклонения от литературной нормы», объединяющий все случаи искажений литературного языка и речи. Можно выделить два типа отклонений, которые условно назовём коллективные и индивидуальные.

I. Коллективные:

Просторечие, Диалекты*, Жаргоны¹, Арго², Сленг³, Профессиональные языки [^{*}, ¹, ², ³ – понятия очень близкие, четкой границы между ними нет. Например, «Словарь лингвистических терминов» считает, что разница между 1 и 2 лишь в уничижительном оттенке 1; согласно БСЭ, жаргон и просторечие образуют сленг.] [Профессиональные языки являются социальными диалектами; выделяем их особо в связи с их значением с точки зрения перевода.]

II. Индивидуальные:

Вольности устной речи, Детский язык, Ломаная речь, Дефекты речи, Ошибки в произношении и правописании.

Более подробно остановимся на первой категории.

Те или иные из перечисленных отклонений используются авторами: а) как основное языковое средство (отклонения гр. I), т.е. определённое отклонение во всём произведении (в т.ч. авторская и/или прямая речь), например, сленг в романе Сэлинджера «Над пропастью во ржи», арго в романах Simonon, San-Antonio и многих полицейских романах на криминально-гангстерскую тему, определённые диалекты в произведениях некоторых писателей; б) как речевые характеристики отдельных персонажей (этот приём настолько широко распространён, что не нуждается в примерах); в) как отдельные вкрапления – для колорита (о них мы говорили, рассматривая реалии).

Итак, упомянутые отклонения относятся (по Фёдорову) к «непередаваемым», но он же (Фёдоров) и рассматривает примеры их передачи, хотя и другими средствами, т.е. допускает возможность их функционального перевода или компенсации. И. Левый уточняет: «...вовсе не обязательно, чтобы в народной речи каждому разговорному обороту оригинала отвечало

просторечие в переводе: оно может быть использовано в другом месте, лишь бы общее впечатление от речевой характеристики сохранилось неизменным».

Выходит так: с одной стороны, писатель имеет полное право для решения творческих задач отобрать любое слово или выражение, любую морфологическую форму или синтаксическую конструкцию из нелитературных источников, а с другой, учитывая, что переводчик всегда в принципе подчинён воле автора, т.е. обязан передать действительность такой, как её видит автор, он должен дать понять читателю, что в данном случае прямая речь и/или авторские отступления ненормативны. И не только дать понять, но в некоторой степени создать и соответствующую атмосферу.

Так вот, при жаргоне, арго и сленге самым естественным, бесспорно, будет прибегнуть к функциональным аналогам при наличии их в ПЯ. Известные соответствия существуют почти на всех языках. Трудности перевода возникают при отсутствии двуязычных и даже одноязычных словарей жаргонов и арго, в том числе на русском языке.

В общем, все эти категории (арго, жаргон, сленг), по мнению многих авторов, в конечном счете тесно связаны с просторечием и нередко отождествляются с ним или переходят в него. Следовательно, при отсутствии соответствий или функциональных аналогов переводчик может прибегнуть к просторечию, которое и придаст переводимому тексту необходимую характеристику отклонений от литературной нормы.

При диалектумах, по сути дела, разница в положении состоит в том, что, согласно давно принятой в искусстве художественного перевода аксиоме, диалектум вообще нельзя переводить диалектом («немыслимо переводить южно-французские диалектумы с помощью южнорусских диалектов» – Гак). Единственную возможность нюансировать текст перевода предлагает опять-таки просторечие, о чём говорит целый ряд теоретиков перевода, добавляя, что делать это нужно осторожно и экономно, с чем надо согласиться. Тот же В.Г. Гак пишет, говоря о переводе просторечий и диалектов: «В этих случаях показывают лишь некоторое отклонение речи говорящего от «выдержанной литературной

речевой нормы», что достигается не употреблением русских диалектов или вульгаризмов, но использованием некоторых элементов языка». Недопустимо стирание, теряется вся соль (Лесков).

Поскольку жаргон, аргó, сленг подвержены частым применениям, переводчик, подыскивая им соответствия, не должен упускать из виду и временной фактор. Например, сленг нередко становится «языковой приметой поколений» (БСЭ), так что неудачно подобранное соответствие грозит иной раз обернуться анахронизмом.

В отношении профессионализмов переводчику нужно чутьё – зачастую он должен распознать их, выделить из кажущегося гладким текста, что бывает трудной, почти невыполнимой задачей, в особенности, когда он соприкасается с переводом каламбуров или фразеологизмов.

Переводчик должен угадать профессионализм и там, где его нет в оригинале, т.е. при недифференцированности. Например, по-русски и конторский служащий, и столяр, и сапожник употребят в разговоре слово «клей», а в болгарском нужны разные слова.

Подводя итог беседе о переводе диалектов, жаргонов и проч., процитирую Фёдорова: «...основным функциональным соответствием всякого рода диалектумам (как территориальным, так и социальным) в русских переводах способно служить просторечие в широком смысле слова». Это касается не только русского перевода, но и перевода вообще.

Вторая группа отклонений от литературной нормы охватывает умышленное и неумышленное словотворчество: своеобразные неологизмы (вольности устной речи, детский язык) и неправильности речи и произношения (детский язык, ломаная речь и все виды дефектов речи).

Примеры вольности устной речи: «подсебятина», «недурственный», «загибоны»; искажение фонетического облика слова: «уря» (ура), «вумный» (умный), «вьюноша», «шкилет» и мн. др. В большинстве своём эти слова даже и не приживаются, но некоторые «входят в поговорку» и цитируются только в своём определенном окружении – на грани каламбуров. Не исключены, конечно,

и случаи, когда некоторые из них переходят в просторечие и появляются в словарях (например «недурственно»). К ним же следует причислить и всё детское словотворчество, прекрасно описанное К. Чуковским в его своеобразном шедевре «От двух до пяти» и не нуждающееся в каких-либо дополнениях и объяснениях.

Передача таких вольностей устной речи, такого словотворчества наряду с игрой слов (каламбурами) – пробный камень таланта и находчивости переводчика. Здесь можно дать только один совет: быть осторожным, экономичным и стараться «попасть в тон» с автором. Выражаясь в той же гамме, всегда «лучше недоборщить, чем переборщить».

Мы, к сожалению, по-видимому, не успеем поговорить детально о каламбурах, хотя это интереснейший материал. Но приведу по поводу их переводимости слова видного советского переводчика Н. Любимова: «С моей точки зрения, «непереводимой игры слов» не существует и не должно существовать, за чрезвычайно редким исключением. Весь вопрос в мастерстве переводчика». В подтверждение этих слов Нора Галь высказывает мысль о том, что подстрочное примечание «непереводимая игра слов» – это расписка в собственном бессилии. «Конечно, – пишет она, – порой ты и впрямь бессилен перед какой-то уж очень головоломной задачей. Тогда вернее совсем пожертвовать игрою слов здесь и, может быть, взамен сыграть в другом месте, где у автора ничего и нет, а переводчику что-то придумалось. Но чем меньше потерь, тем лучше, а отступать без боя стыдно». [Например, «Крупный – 195 см – специалист», «жизнь бьёт ключом – по голове», «Tu es Jean, tu es Jacques, tu es roux, tu es sot, mais tu n'est pas Jean-Jacque Rousseau» (обыгрывание ФИО – Ж.-Ж. Руссо).

3.5. Иноязычные вкрапления

В лингвистической литературе для различия иноязычных и заимствованных элементов лексики и фразеологии встречается немало терминов: «иноязычное слово», «варваризм», «экзотизм», «заимствование» и

проч. Среди них и в отличие от них должен найти место и принятый нами термин «иноязычное вкрапление».

Некоторым писателям, в особенности классикам прошлого, было присуще употребление более широкого круга иноязычных вкраплений. В старых произведениях западной литературы было принято пересыпать изложение мудрыми фразами, афоризмами и/или просто единичными словами на латинском или древнегреческом языках: это не только считалось признаком эрудиции, но некоторые образованные люди в самом деле так говорили. То же в значительной степени касалось и русской классической литературы, которой, кроме латинских, присущи были главным образом французские и в несколько меньшей степени немецкие вкрапления.

С другой стороны, произведения современных авторов на всех языках испещрены иностранными словами и выражениями (терминами, реалиями и пр.) гораздо больше, чем когда-либо в прошлом, в результате интеграции наук и искусств и огромного увеличения международного обмена информацией и расширения круга фоновых знаний «человека с улицы».

Иноязычными вкраплениями являются слова или выражения (или, как иногда у Л. Толстого, целые пассажи и письма) на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда оттенка комичности или иронии. (Приблизительно такое же содержание некоторые авторы вкладывают в понятие «варваризм».) Например, из Пушкина – *et cetera, in quarto, du comme il faut, tête-à-tête* – в их оригинальном иноязычном написании и в русской транскрипции из комической поэмы И. Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой» («Адью, адью, я удаляюсь, Люан деу...»).

В мировой литературе наблюдается в основном два подхода в отношении иноязычных вкраплений в подлиннике:

1) автор вводит их без пояснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, т.е. важна форма, а не вложенная в неё информация (S.A.S.);

2) автор тем или иным путём доводит до читателя их значение. Первым путём вводятся итальянские, испанские, немецкие и французские вкрапления у Хэм'а, голландские и французские у И. Стоуна (о Ван Гоге); второй характерен в некоторой степени для русских (Л. Толстой «Война и мир», И. Гончаров «Фрегат Паллада»).

(В средневековой литературе почти никто иноязычные вкрапления не переводит ни в тексте, ни в сносках, поскольку потенциальными читателями были такие же эрудиты.)

Для переводчика всё это порождает дополнительные проблемы: а) следует ли оставить иноязычные вкрапления автора без перевода или объяснений? б) как поступить с собственно переводами вкраплений самого автора? или в) предать аналогом?

3.6. Передача имён собственных

Представление о переводе имён собственных с чисто практической точки зрения может показаться странным: ведь Шекспир будет Шекспиром на всех языках мира, что в нём переводить? А перевести можно: *shake + spear* = потрясать копьём; контекст может даже потребовать такого перевода, и переводчик должен быть готов к этому.

Имя собственное – объект ономастики, самостоятельная ветвь лингвистической науки; о нём существует огромная литература, в том числе и о переводе имён собственных. Не стараясь «объять необъятное», приведу лишь некоторые общие установки и частные случаи, главным образом, те, которые касаются основной тематики – вопросов безэквивалентности и передачи колорита.

Имя собственное, как правило, при переводе заимствуется, транскрибируется, но, как исключение, может подвергаться переводу; иногда оно терпит и большие на себя посягательства.

Так как основные требования к языковым единицам при переводе сводятся, за редким исключением, к передаче плана содержания, то и деление имён собственных следует вести в первую очередь по линии их семантики. Это позволяет рассматривать: 1) имена-знаки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект; 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием; 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесённость к первой или второй группе.

Единицы первой группы в «чистом виде» всегда транскрибируются; вопрос об их передаче при переводе – это вопрос знания правил транскрипции. Как исключение, имя собственное, точная транскрипция которого почему-то неудобна (например, омонимия со смешным, непечатным и т.п. нарицательным ПЯ), передаётся с некоторыми фонетическими отклонениями, приобретающими со временем традиционный, связанный с данным именем облик.

Единицы второй группы обладают определённым содержанием, которое обуславливает возможность их перевода. Однако среди них намечаются имена, которые по традиции а) только транскрибируются; и другие б) которые только переводятся. К первым относятся названия периодических изданий, органов печати и т.д. («Юманите», «Ви увриер», «Таймс», «Файнэншал джорнал», «Жэньминь жибао» etc). Ко вторым, т.е. переводимым именам, относятся названия произведений литературы и искусства (за небольшим исключением). (Собор парижской Богоматери + значимые имена типа индейских «Быстрая стрела», «Кожаный чулок»).

К третьей группе относятся имена собственные, транскрипция или перевод которых зависит от контекста. Как правило, все они подлежат транскрипции; перевод, подстановка или любое отступление от этого правила допустимы, лишь когда необходимо показать их внутреннюю форму, т.е. когда имя собственное должно в той или иной степени приобрести и черты имени нарицательного. Это

нас подводит вплотную к «говорящим именам». Эти единицы широко распространены в художественных произведениях. Так, например, у Лу Синя нет ни одного рассказа, где бы фамилия или имя героя не имели значения, «имена у Кэрролла не произвольные, не случайно выбранные сочетания, а знаки, за которыми угадываются либо живые люди, либо целые пласты национальной истории и национального сознания» (Демурова). То же у Горького, Чехова, Гоголя и др. (Собакевич, Коробочка...).

Вопрос перевода «говорящих имён» ещё не разрешён, несмотря на то что литература на эту тему много. Есть группа так называемых «крылатых» (или аллюзивных) имён, которые у носителя языка «ассоциируются с определённым словом из фольклорной литературы и фразеологических источников». Некоторые – Иуда Искарот, Дон Кихот, Дон Жуан и др. – превратились в нарицательные (иуда, донкихоты...), не будем их обсуждать. Другие, оставаясь по форме именами собственными, утратили в значительной мере признаки этой категории, являясь символами тех или иных качеств и представлений. Например, лидийский царь Крез был богатейший человек древности, и богатство сделало его имя нарицательным; Иов – символ страданий («многострадальный Иов»); Плюшкин, Гарпагон и Шейлок символизируют скупость; Отелло – ревность; Тартюф – лицемерие и ханжество; Обломов – умственную лень и бездеятельность; Рубикон – граница, переход через которую требует смелости, означает окончательно принятое решение etc. Эти имена-символы, имена-ярлыки при переводе транскрибируются с учётом формы, в которой они известны носителям ПЯ. А те, которые неизвестны? Маловероятно, например, чтобы французы были знакомы, скажем, с Маниловым или даже Плюшкиным. А ведь в каждой литературе есть свои Плюшкины, о которых в других странах могли и не слышать.

Другая группа имён – «вымышленные имена». К их передаче надо подходить осторожно. Вот, например, в рассказе Чехова «Экзамен на чин» все фамилии персонажей можно причислить к смысловым: Фендриков (Фендрик – молодой человек с претензиями), Пивомедов, Хамов, Змиежалов, Ахахов. Но

рассказ не даёт оснований толковать характеры или поведение персонажей, исходя из значений их фамилий. При этом положении едва ли будет оправданным стремление во что бы то ни стало осмысливать все эти говорящие имена, коль скоро они не имеют подчёркнутой опоры в тексте. Потери, конечно, будут: нередко весёлое, смешное имя создаёт атмосферу, но перевод или подстановка могут оказаться бóльшим из двух зол. Переводя «Хамелеона», английский переводчик счёл нужным объяснять в сноске значение фамилии Очумелов и Хрюкин. Или Червяков из «Смерти чиновника». Но Чехов не связывал фамилии этих своих героев с какими-либо чертами их характеров; так что переводчик своим подстрочным объяснением только отвлекает читателя от действительных характеристик героев.

В других случаях намерения автора совершенно ясны, когда имя «становится в наших глазах как бы душой персонажа». Так, например, у Купера читаем: Лорд Балаболло, Джон Брех; у Марка Твена – прозвище придворного остряка сэра Дайнадена-шутника; имя, которое жена героя даёт новорожденной дочке, – Алло-Центральная и др.

Или вот пример (из «Крокодила»): «Экзаменационная комиссия, – сказал мистер Кобринг. – Прошу: мисс Эда Асфиксия, сеньор Джан Мария де ла Пиранья и мистер Роббер» (= разбойник).

В заключение можно сказать, что от умного, тактичного введения в текст перевода чужих имён собственных в значительной степени зависит и успех в деле сохранения национального колорита всего произведения. А для этого требуется, помимо владения языками, ещё и широкая переводческая культура.

3.7. Сокращения

Целесообразность их рассмотрения очень важна, т.к. в наш век количественный рост этого типа лексических единиц взрывоподобен (во всех современных языках): словарь в 15–20 тыс. сокращений в наши дни можно считать нормальным. Основное количество аббревиатур приходится на долю специальных подъязыков, но тесная связь науки с жизнью, научной жизни – с

речью обычного гражданина не ограничивает их употребление рамками научно-технической литературы. Не будем останавливаться на общеязыковых вопросах аббревиатур (есть большая литература: «Борисов В.В. Аббревиация»...). Сама по себе расшифровка сокращений не представляет особой трудности для переводчика: многие из так называемых «морфологических аббревиатур» достаточно ясны (стенгазета, командарм), а вообще большинство сокращений, в том числе и инициальные (США, ENA – Ecole Nationale d'Administration, DOM (fr.) – département d'outre-mer, NDT – note du traducteur) приведены в серьезных словарях, часто в конце, в виде традиционных приложений, а также в особых словарях сокращений. Так что трудности при переводе этой лексики не столько семантического порядка, но при ясном смысле обычно нелегко подобрать соответствие и не всегда нужно (FNAC, PACS). Хотя в связи с огромным количеством новых сокращений словари не успевают, особенно в отношении общественно-политической, бытовой лексики (MLF, TUC, RMY).

Подход к проблеме аббревиатур. Слово ИЯ:

переводится – содержание его передается соответствующими средствами ПЯ (эквиваленты, аналоги);

переносится в текст ПЯ как есть, сохраняя отчасти или полностью форму (заимствование, транскрипция, транслитерация).

I. Перевод:

а) *перевод аббревиатурой* предполагает наличие (или создание) ее на ПЯ. Лучше всего, когда это уже утвердившаяся в языке единица: МВФ = FMY (Международный валютный фонд); США ХДС / ХСС; RPR = ОПР. – rassemblement pour la république (Chirac) – движение в поддержку республики; UDF = СФД – union pour la démocratie française = Союз за французскую демократию.

В ПЯ сокращение может быть построено по той же модели: инициальная СССР в английском и немецком USSR, en français U.R.S.S.; англ. UNO = русск. и болг. ООН, (fr. ONU); нем. DDR – фр. RDA, русск. ГДР; амер. FBI – русск. и

болг. ФБР; Les OVNI = НЛО; TVA = НДС; SDF – БОМЖ; русск. СЭВ и болг. CUB (1 модель) = en anglais COMECON (Council for Mutual Economic Assistance).

б) *перевод развернутой формой* применим в тех случаях, когда в ПЯ нет сокращения-эквивалента. Переводится исходная единица: англ. TV (ти-ви), широко распространенное в англо-говорящих странах, приходится переводить «телевидение» → ТВ; русск. «редколлегия» = англ. editorial board, fr. – conseil de rédaction; С.Р.Н (Бельгия) (Centre de Physique nucléaire) = русск. «Центр ядерной физики»; TGV – сверхскоростной поезд – теперь ТЖВ; PME – малый и средний бизнес; ЗАГС = гражданское отделение (болг.) = office (bureau) de l'état civil (франц.); le G7 = Большая семерка; Minitel = минитель (pour expliquer абонементский телеинформационный терминал); ОБХСС = police économique; ТЭС = Centrale hydro-électrique; ТЭО = étude de faisabilité; ЭВМ = ordinateur; НИИ = centre de recherche; ГОСТ (гос. стандарт) = norme d'Etat.

Перевод развернутой формой – это перевод исходной единицы, который должен быть максимально точен. Большею частью это кальки, например, фр. FRD (Facteur de réduction de dose) = «коэффициент уменьшения дозы», из компонентов которой можно (теоретически) построить на ПЯ аналогичное сокращение (КУД). Но нередко приходится прибегать к более свободному переводу: FARTA (Fédération Suisse des Associations des planteurs de tabac) – «Швейцарская федерация ассоциаций табаководов», что наводит на мысль о необходимости учитывать правила грамматики ПЯ, не искажать язык буквализмами.

Таким образом, как правило, переводятся и сокращения ученых степеней и званий, в частности тех из них, которые не имеют названий-эквивалентов в ПЯ. Например, В.А.(S).= Bachelor of Arts (Science) = русск. «бакалавр гуманитарных (естественных) наук; англ. М.А. = Master of Arts = фр. «Diplôme d'études supérieures des lettres» и т. п.

II. Транскрипция (транслитерация)

В ряде случаев сокращение переносится в ПЯ в его фонетической (транскрипция) или графической (транслитерация) форме, максимально приближенной к оригинальной.

а) транскрипция (транслитерация) сокращений характерна для обозначенных аббревиатурами имен собственных. Например, англ. BBC, произносимое на многих языках в его английском звучании – «би-би-си». Транслитерируются: англ. UNESCO – ЮНЕСКО (фр. и UNESCO и O.N.U.E.S.C.); INTERPOL – Интерпол; русск. ТАСС – англ., нем., фр. – TASS; фр. OAS (Organisation de l'armée secrète) – ОАС; FIAT (Fabrica Italiana Automobile Torino) – русск. и болг. ФИАТ; la NEP = НЭП; ROUKH – РУХ (не сокращ.); GATT (с англ.) – Accord général sur les tarifs douaniers et le commerce.

Вряд ли можно проследить, какие единицы транскрибируются, а какие переводятся. Намечается тенденция к перенесению без изменений более популярных, с международным значением сокращений: названия организаций, институтов, обществ; также названия крупных информационных агентств (АПН, ТАСС, ЮПИ).

В результате этого приема передачи аббревиатуры рождается не мотивированная с точки зрения ПЯ единица: например, НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства); ФИФА (Международная федерация футбольных ассоциаций) etc.

О транскрипции / транслитерации мы говорим и в отношении аббревиатур, являющихся только по происхождению сложносокращенными словами: русск. лавсан, аппараты: радар, лазер, мазер, ряд географических названий, например, Бенилюкс, Пакистан (Etat existe depuis 1947, groupe les Etats musulmans de l'ancien empire des Indes) = П (Пенджаб), А (афганские племена), К (Кашмир), С (Синд) + слова ГАН, взятого из слова Белуджистан.

К этой группе относится и много реалий типа колхоз, совхоз, Коминтерн, комсомол, переносимые во многие языки тем же путем транскрипции.

III. Перенос аббревиатуры

Во многих европейских языках, в том числе и русском (в письменной речи), есть сокращения, главным образом латинские, которые могут при переводе переходить из ИЯ в ПЯ без перевода и транскрипции / транслитерации. Многие раньше были очень популярны, сейчас постепенно выходят из употребления: P.S. (приписка в письме), или NB (не забыть, заметь), idem (там же), S.O.S., Ltd.

Из того, что в русском языке встречается латинск. «etc.», отнюдь не следует, что, встретив его в английском тексте, переводчик может, не задумываясь, перенести его в перевод; в литературе оно, правда, встречается, но теперь мало употребительно и обычно переводится «и т. д.».

Что касается жанра, то в массе своей аббревиатуры связаны с научной, в том числе политической, военной, технической, коммерческой, экономической и т.п. лексикой, то есть встречаются прежде всего в терминологическом тексте, в письменной речи. Но теперь они все больше проникают в устную речь, причем не только в речь радио и TV, но и в бытовую и повседневную. А отсюда и в художественную литературу: пиаровцы (PR), пиарить; виповский (зал ожидания). Одна и та же аббревиатура на разных языках по-разному передается: НАТО (англ.) – русск. НАТО (транскрипция) и фр. OTAN – Organisation transatlantique du Nord (перевод).

Сложности: омонимия (совпадение написания). Например, АК (в русском языке) = 10 понятий: авиационный компрессор, автомат Калашникова, армейский корпус, астрономический календарь и др. Отсюда часты переводческие ошибки. Обращать внимание на точки между буквами, на прописные или заглавные буквы, например, (M.L. – Mètre Linéaire – погонный метр; ml – millilitre; Ml – муниципальный, городской).

Аббревиатуры-каламбуры :

АИСТ (русск.) – авт. Информационная станция;

АСТМА – астатический миллиамперметр;

ОЛЯ – отдел литературы и языка (АН СССР);

МАРС – машина автоматической регистрации и сигнализации;

АМУР – автоматическая машина управления и регулирования;

IDIOT (англ.), MANIAC.

Любопытна преднамеренно созданная пара: CAT (омоним англ. “кошка”) и MOUSE (омоним англ. “мышь”), причем назначение кошки CAT (Celestial Atomic Trajectory) = космическая ракета с ядерным зарядом – уничтожить мышь MOUSE = искусственный спутник Земли без экипажа с минимальной орбитой).

А как передать в переводе шутливую расшифровку амер. NASA – Never a straight answer – “никогда (не даёт) прямого ответа”. Вообще-то эта аббревиатура переносится без изменений (на французском и немецком) и транскрибируется (русский и болгарский); стало быть, перевести каламбур можно, оформив шутливую фразу из четырех значащих слов, начинающихся буквами N, A, S, A. Par exemple, можно просто передать расшифровке комический смысл, не соответствующий подлинному: например, «Национальная абсолютно смехотворная администрация».

С точки зрения передачи авторского стиля интересны морфемные сокращения типа русск. зав, зам, англ. Doc., prof. и много др. Это – фамильярный оттенок (в словарях – разговорный, простой), часто требует от переводчика большой изобретательности. (Большая роль контекста.) Таких «неудобоваримых» сокращений или, точнее, усеченных слов разговорного стиля много в английском языке, в особенности в американском, и во французском: le prof, la fac, le labo, l'Amphi, le mécano, la télé, les diapos, le ciné, la manif. Такие сокращения обычно переводятся при помощи их развернутой формы, а стилистические и эмоциональные оттенки компенсируются любыми доступными средствами. Здесь работа переводчика в значительной степени ведется в области стилистики (подыскание стилистических синонимов нужной окраски).

3.8. Фразеологические единицы. Общие положения

Фразеологические вопросы и общая проблема разной сочетаемости слов в разных языках чрезвычайно существенны как для практики, так и для теории

перевода: они часто представляют большие практические трудности и возбуждают большой практический интерес, т.к. связаны с различием смысловых и стилистических функций, выполняемых в различных языках словами одинакового вещественного значения, и с различием сочетаний, в которые вступают такие слова в разных языках. В «шкале непереводаемости» или «труднопереводимости», фразеологизмы или фразеологические единицы (ФЕ), занимают одно из первых мест: «непереводимость» ФЕ отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц; на неё ссылаются сторонники «теории непереводаемости»; с трудностью перевода ФЕ на каждом шагу сталкивается переводчик-практик, на ней почтительно останавливается теоретик перевода.

Фразеология составляет наиболее живую, яркую и своеобразную часть словарного состава любого языка. Подавляющая часть фразеологии английского, французского, русского и других языков принадлежит к функциональным различным стилям и обладает экспрессивной окраской. Даже стилистически нейтральные фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте. (Поэтому есть все основания считать фразеологию одним из выразительных средств языка и рассматривать её со стилистической точки зрения.)

Разумеется, фразеология требует особого подхода в процессе перевода. Казалось бы, наличие специальных двуязычных и одноязычных словарей и выделение фразеологии в больших толковых словарях должны давать наиболее полное и точное её описание. Однако мы знаем, что даже самые полные словари (БАРС, Ганшиной) далеко не всегда могут удовлетворить переводчика. Бурный рост словарного состава французского и английского языков приводит к тому, что и большие фразеологические словари всё больше отстают от жизни. Поэтому переводчик должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять ФЕ, раскрывать их значение и передавать их экспрессивно-стилистические функции в переводе. Основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех

возможностей использования фразеологизма в контексте. «Фразеологическим единицам так же, как и словам, свойственна многозначность и омонимия» (А. Кунин).

Хотя научная литература по фразеологии разных языков огромна, но даже по основным вопросам единого мнения не существует. В частности, по вопросу об определении ФЕ и о рамках фразеологии. «Словарь лингвистических терминов» Ахмановой определяет: *ФЕ = словосочетание, в котором семантическая монолитность довлеет над структурной отдельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова.* Например, *manger les pissenlits par la racine (fam)* – умереть, отдать богу душу.

Успех перевода ФЕ нередко определяется ещё до того, как дело дошло до перевода – на этапе её распознавания, ибо значительная часть неудач в переводе ФЕ обусловлена именно «неузнаванием их в лицо»: переводчик *1)* принимает их за переменные (свободные) словосочетания, и это приводит к переводу на уровне слова, или *2)* замечая их слитность, приписывает её индивидуальному стилю автора (или наоборот), *3)* наделяет свободное сочетание качествами устойчивого и передаёт его, соответственно, на фразеологическом уровне.

Следующий барьер – трудность восприятия, понимания распознанной единицы. В связи с характерной для фразеологизма невыводимостью значения целого из значений компонентов «пословный» перевод редко бывает верным. Мы часто говорим о «гипнозе подлинника», а здесь следует говорить ещё о «гипнозе слова», отдельного слова, компонента ФЕ, заслоняющего от переводчика значение целого.

Однако основной причиной ошибок как нераспознавания, так и не(до)понимания значения ФЕ является, конечно, недостаточное знание ПЯ. [Конечно, «и на старуху бывает проруха», но это не так часто, а беспомощность неопытного переводчика опасна. Будем ориентироваться на знающего переводчика.]

Переводу фразеологизмов уделено немало внимания в теоретических работах, в пособиях по переводу и других работах. Эти проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. И это, пожалуй, в порядке вещей: однозначного, стандартного, одного на все случаи жизни решения здесь быть не может. Не так редко, даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в словаре, приходится искать иные пути перевода, т.к. этот эквивалент не годится для данного контекста. Поэтому и противоречивые (в теории) советы не всегда нужно считать несовместимыми: например, если один автор предлагает переводить пословицу пословицей, а другой – калькой (или путём подстановки), иногда приходится считать, что прав и тот и другой.

Не вдаваясь в подробности дискуссий по данному вопросу, примем за основу переводческой классификации установку, против которой обычно не спорят: как правило, фразеологизм переводят фразеологизмом. Не будем абсолютизировать это правило; но к такому переводу, как к идеалу, нужно стремиться, а искать иные пути, лишь убедившись в нецелесообразности фразеологического перевода в данном тексте.

Возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от отношений между единицами ИЯ и ПЯ:

1) ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значения + коннотации), т.е. фразеологизм ИЯ = фразеологизму ПЯ переводится эквивалентом;

2) ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, т.е. фразеологизм ИЯ \approx фразеологизму ПЯ переводится вариантом (аналогом);

3) ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, непереводаема в словарном порядке, т.е. фразеологизм ИЯ \neq фразеологизму ПЯ передаётся иными, нефразеологическими средствами.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два случая) – фразеологический перевод, либо иными средствами – нефразеологический перевод.

Это, конечно, полярные положения. Между ними имеется множество промежуточных, средних решений.

Итак, *фразеологический эквивалент* – это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста между соотносимыми ФЕ не должно быть различий в смысловом содержании, стилистической отнесённости, метафоричности, эмоционально-экспрессивной окраске, они должны обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей и т.д. и ещё – отсутствием национального колорита. Требования, как видно, высокие, но в западноевропейских языках есть немало фразеологизмов, которые поддаются такому дословному переводу на русский язык ввиду совпадения внутренней формы. Например, *être au septième ciel* = быть на седьмом небе; *jouer avec le feu* = играть с огнём; *avoir une dent contre qn* = иметь зуб на кого-либо.

Неполным (частичным) фразеологическим эквивалентом называют такую единицу ПЯ, которая является эквивалентом, полным и абсолютным, соотносительной единицы в ПЯ, но не во всех её значениях.

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по каким-либо из показателей: другие, часто синонимичные, компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения и др. (например, *un diamant de la plus belle eau* – бриллиант чистой воды).

Например, эквивалент отличается от исходной ФЕ по компонентному составу, например, «*aller le nez au vent* = держать нос по ветру» «*au grand jour* = среди бела дня», «*ni chair ni poisson* = ни рыба ни мясо». И ещё большее отличие – другая образная основа. Часто такие относительные эквиваленты с заменой образа называют аналогами. Сравним, например, несколько ФЕ со значением «быть удачливым». Наряду со «счастливой» звездой (у франц. –

доброй) во фразеологии других народов встречаются метафорические синонимы, но на другой образной основе: у французов это «être né coiffé», у англичан «серебряная ложка», у русских и болгар – «рубашка» (родиться в сорочке).

Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися. Например, «тихая вода, тихий омут, спящая вода» (ср. в тихом омуте черти водятся – il n’y a pas de pire eau que celle qui dort); образы могут быть весьма далёкими, но логически сопоставимыми; например, русский, болгарин и француз видят в «похожести» «двух каплях воды», а у англичанина – «две горошины». Но образы двух аналогов (на ИЯ и ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять исправно свою функцию в переводе. Например, русское «когда рак (на горе) свистнет (и рыба запоёт)» переводится на французский «quand les poules auront des dents», а по-английски это будет «когда луна превратится в зелёный сыр», по-немецки «когда собаки залают хвостами» или по-болгарски «когда свинья в жёлтых шлёпанцах на грушу вскарабкается».

В принципе, возможность передавать ФЕ аналогами с образностью, совершенно не имеющей точек соприкосновения в ИЯ и ПЯ, объясняется главным образом тем, что по большей части это стёртые или полустёртые метафоры, воспринимаемые подсознательно носителями языка: ведь в значении «остаться с носом» никакого «носа» русский не видит (laisser qn en plan).

Наконец, к фразеологическим можно условно отнести и «индивидуальные» эквиваленты. Не находя в ПЯ полного соответствия, переводчик иногда вынужден прибегать к словотворчеству, оформляя в духе переводимой единицы новый, свой фразеологизм, максимально напоминающий естественный. Например, одна из цыганских пословиц, цитируемых П. Мериме в «Кармен» в цыганском оригинале (рамани), а затем во французском переводе, так передана М. Лозинским:

En vetudi panda nasti abela macha. В рот, закрытый глухо, не залетит муха

En close bouche n’entre point
mouche

Смысл пословицы сохранён, и для читателя перевода понятно, какое обобщение должно быть сделано на её основе. Вместе с тем передано каждое слово в его прямом смысле, воспроизведены и афористичность, и синтаксическое построение. Аналогичный пример из работы Любимова Н. Над переводом книги А. Доде «Порт Тараскон» (последняя часть о Тартарене), где французской рифмованной поговорке создаётся очень близкое подобие: «N'ayez pas peur. Vous savez le proverbe de la vileille: Au plus la vieille allait, – au plus elle apprenait, – et pour se mourir ne voulait» – «Не беспокойтесь... Знаете, как говорят про одну старуху? Чем больше старуха старела, тем больше старуха умнела – и помирать не хотела» [Создание подобия иноязычным пословицам (идиомам) оказывается необходимым тогда, когда в ней упоминаются характерные исторические факты или географические названия, которые делают невозможным использование готового соответствия (даже если оно есть, но содержит упоминания о национальных реалиях). Так, фр. «Paris ne s'est pas fait en un jour» – требует перевода «Париж не один день строился», или «Qui langue a, à Rome va» – «Язык до Рима доведёт» и не допускают применения готовых русских пословиц «Москва не один день строилась» или «Язык до Киева доведёт», имеющих тот же иносказательный смысл, но противоречащих национальной обстановке оригинала.]

Прежде, чем закончить фразеологический перевод ФЕ, нужно отметить, что фразеологические эквиваленты и аналоги встречаются чаще всего в следующих группах устойчивых единиц.

а) В первую очередь это интернациональная фразеология. К ней принадлежат ФЕ, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом, античных), мифологических, литературных источников, заимствовались из языка в язык, или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных моментов социальной жизни, трудовой деятельности, производства etc.

Многие из таких единиц относятся к *крылатым выражениям*. Среди них немало связанных с историческими или мифологическими личностями. Так, в различных странах существуют фразеологические эквиваленты: «Ахиллесова пята» = talon d'Achilles; «Пиррова победа» = victoire à la Purthus; «Жребий брошен» = le dé en est jeté; «Яблоко раздора» = la pomme de discord etc.

Необходимо заметить, что многие из перечисленных ФЕ – кальки, т. е. именно те образования, которые необходимы для полной эквивалентности. Есть, разумеется, и свои «но». Одной принадлежности фразеологизма к интернациональным недостаточно, чтобы обеспечить его правильный перевод. Прежде всего далеко не все вошедшие в один язык «интернациональные единицы» имеются и в остальных языках. Например, фигурирующие в английском, французском и немецком языках эквиваленты «синего чулка» отсутствуют в болгарском. Во французском нет «летучего голландца» (вместо него le vaisseau fantôme), эквиваленты которого в других языках есть. Несмотря на калькирование, между эквивалентами всё же отмечаются незначительные формальные отличия, а это иногда существенно затрудняет перевод. В третьих, эквивалентов может быть больше одного, и тогда переводчик не может машинально заменить свою единицу эквивалентной. Все эти «но» предъявляют переводчику жёсткие требования: проверять по словарям каждый сомнительный случай.

б) Довольно часто фразеологические эквиваленты встречаются среди устойчивых сравнений. У многих народов говорят: поёт как соловей, смел, как лев, упрям как осёл, пьян как свинья и т.д. (nager comme un fer à repasser; vivre sur un volcan). Но для тех же качеств наряду с этими образами есть и другие, непривычные для ПЯ. Сравнение с соловьём явно не подойдёт для стран, где его не знают, и переводчик должен двадцать раз взвесить, прежде чем один раз ввести непривычный образ. Такого же взвешивания требуют и остальные сравнения – переводить своим, привычным или сохранить «экзотичное»: например, англичане и французы видят упрямство скорее у мула, а осёл является символом глупости; что касается пьянства, то наряду со свиньёй у разных

народов фигурирует немало других образов: фр. – (пьян как) монах, поляк, певчий дрозд est., нем. – как волынка, семь шведов, тысяча человек; англ. – как лорд; реветь белугой – pleurer comme un veau.

II. *Нефразеологический перевод* – передаёт данную ФЕ при помощи лексических, а не фразеологических средств ПЯ. К нему прибегают обычно, лишь убедившись, что ни одним из фразеологических эквивалентов или аналогов воспользоваться нельзя. Такой перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность), что и заставляет переводчиков обращаться к нему только в случае крайней необходимости.

1) *Строго лексический перевод* – применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. Так, многие французские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом: prendre part – участвовать; mettre le feu à qch – поджечь; prendre feu – загореться (зажечься) и мн. др. Такие описательные глагольные выражения обычно лишены экспрессии и метафоричности, что и позволяет считать нормальным путь лексической замены (в отличие от др. фр. змов); тем не менее контекст может подсказать в том или ином случае и другой перевод, например «предать огню» или, напротив, «пустить красного петуха».

В отличие от однословного и ближе к тому, что называют свободным переводом, смысловое содержание ФЕ может быть передано переменным словосочетанием. Р.ех. «Jeter ses louanges aux chiens» – «зря стараться, расточать похвалы не по адресу»; «marcher sur sa longe» – «запутаться в своих делах, речах». Такие переводы вполне удовлетворительно выполняют свою роль в словаре, указывая точное семантическое значение единицы. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеологический вид» или по меньшей мере стилистическую окраску и экспрессивность, близкие к оригинальным.

б) калькировать можно ряд пословиц и в первую очередь таких, которые не обладают подтекстом: «La nuit tous les chats sont gris», «Une hirondelle ne fait pas le printemps» («одна ласточка весны не делает»). Этим приёмом можно передать и некоторые устойчивые сравнения, но только убедившись, что носитель языка перевода воспримет их правильно. Р.ех. «Лопнуть как мыльный пузырь» – «*éclater comme une bulle de savon*», «Жить как кошка с собакой» – «*S’entendre comme chien et chat*»; «Походить как две капли воды» – «*Se ressembler comme deux gouttes d’eau*», «как сельдей в бочке» – «*serrés (pressés) comme des harengs en boîte*», «Как рыба в воде» – «*comme un poisson dans l’eau*»; «Rouge comme une écrevisse» – «красный как рак (*comme une tomate* – как помидор)», «дрожать как осиновый лист» – «*trembler comme une feuille*»

А вот «заячья душа» будет понятна для тех народов, у которых заяц – символ трусости; но у индусов этот зверёк символизирует мудрость, так что в Индии перевод калькой будет порочным.

4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

1. Передача функции грамматического элемента, не имеющего формального соответствия в ПЯ
2. Использование специфических элементов грамматического строя языка, на который делается перевод.
3. Отказ от использования грамматических элементов, формально совпадающих с элементами языка подлинника, но отличных от них по функции

Литература к лекции

Федоров А.В. Основы общей теории перевода.

Тучкова Т., Критская О. Пособие по переводу с французского языка на русский. – М., 1964.

Халифман Э., Кузнецова, Козлова. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языка. – М., 1981.

Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л., 1977.

Тетради переводчика. – № 1 и др.

Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М., 1988.

Грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его развития и ими обусловленные, в совокупности своей отличны от грамматических явлений другого языка, хотя и могут представлять в отдельных отношениях сходство с ними. Отсюда и вытекают грамматические трудности перевода – как в области морфологии, так и синтаксиса; этим же определяется то особое место, которое в исследовании перевода принадлежит случаям расхождения грамматического строя языков. Это расхождение, с исключительной силой дающее о себе знать именно при переводе, является результатом своеобразия каждого из двух языков.

Разумеется, воспроизведение грамматической формы подлинника как таковой не может быть целью перевода. Целью является передача мысли в ее целом, – мысли, выражению которой в оригинале могут на другом языке соответствовать иные формальные средства. И лишь в том случае, когда определенную стилистическую роль играют отдельные особенности грамматической формы оригинала, например ее краткость, параллелизмы в построении словосочетаний или предложений, более частое использование той или иной части речи, задачей перевода становится если не прямое воспроизведение этих черт, то воссоздание их функций путем использования аналогичных средств выражения своего языка.

Могут быть указаны три основных типа грамматического расхождения между языком подлинника и языком перевода. **Первый случай** – когда в языке подлинника (ИЯ) встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода (ПЯ): например, наличие категории артикля и разница между определенным и неопределенным артиклем; сложные формы прошедшего времени в ряде романских и германских языков.

Второй случай – когда в языке, на который делается перевод (ПЯ), есть элементы, не имеющие формального соответствия в языке подлинника (ИЯ), а между тем неизбежно применяемые при переводе (например, форма вида глагола, широко развитая флективная система, наличие причастий активной формы прошедшего времени и пассивной формы настоящего времени в русском языке – при отсутствии этих особенностей в тех или иных романских, германских и других языках).

Третий случай – когда в языке перевода есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам языка подлинника, но отличающиеся от них по выполняемым функциям.

Особо следует оговорить те грамматические особенности иностранных языков, которые могут представить значительные трудности при изучении этих языков, при усвоении смысла того или иного текста, но не при переводе, так как существует более или менее единообразный способ передачи таких особенностей, хотя бы и требующий существенной перестройки целого оборота. Таковы, например, имеющиеся в большинстве романских и германских языков сочетания прямого дополнения с инфинитивом (так называемый *Accusativus cum Infinitivo*) типа «*Je le vois venir*» – «Я вижу, как он идет»). Они, как правило, переводятся сложноподчиненными предложениями, где в качестве подлежащего придаточного предложения выступает существительное, соответствующее по смыслу прямому дополнению подлинника, а в качестве сказуемого – глагол, соответствующий по смыслу инфинитиву подлинника.

Сюда относятся сочетания глаголов *sembler* (+ \approx нем. и англ.) с инфинитивом, требующие чаще всего передачи таким предложением, где сказуемым является глагол, соответствующий по значению инфинитиву, а спрягаемой части сказуемого подлинника соответствует по смыслу наречие или вводное слово «кажется» («как кажется»), «по-видимому», «как будто»: «*Il semble être content*» = Он, кажется, доволен (а не \neq он кажется довольным).

Какие же конкретные средства фактически используются при переводе в подобных случаях и какие выводы могут быть сделаны из практики передачи

этих явлений? Обратимся к некоторым примерам, не исчерпывающим, конечно, всего богатства и разнообразия материала, но типичным, практически существенным.

4.1. Передача функции грамматического элемента, не имеющего формального соответствия в ПЯ

а) Передача на русский язык функции артикля

Отсутствие в русском языке артикля должно с точки зрения перевода учитываться прежде всего в связи с возможностью или невозможностью передать тот смысл, который выражается в подлиннике благодаря различию между артиклем определенным и неопределенным (ведь роль артикля как приметы грамматического рода передается флективными средствами русского языка).

Разумеется, довольно часто встречается такое положение, когда функция артикля в условиях узкого замкнутого контекста, например в заглавиях с их характерной краткостью, остается невоспроизведенной («An American Tragedy» Драйзера – типичность для Америки, одна из многих – подчеркивает неопределенный артикль).

Большинство русских переводов романа Мопассана «Une vie» озаглавлено «Жизнь», что передает краткость названия, конечно, стилистически тоже существенную, но вносит такой смысл, как будто дело идет о жизни в целом, может быть, о жизни человечества, о жизни вообще, как будто в оригинале сказано «La vie», а между тем неопределенный артикль французского заглавия указывает на то, что речь идет об одной из человеческих жизней, об одной, пусть типичной, человеческой судьбе, и это может быть передано лишь более распространенным сочетанием слов «История одной жизни» (как и сделано в одном из русских переводов книги). Из этого примера мы видим, что при передаче неопределенного артикля существует также возможность прибегнуть к помощи лексических добавлений, в частности слов «один», «какой-то», «некий» и т. д.

Но кроме этой возможности существует еще и другая – грамматического, точнее, синтаксического порядка, применяемая к переводу с различных языков, обладающих категорией артикля (английский, немецкий, французский, испанский – где смысловая роль артикля в основном одинакова).

«Une femme sortit de la chambre» – Из комнаты вышла женщина.

«La femme sortit de la chambre» – Женщина вышла из комнаты.

В данном случае передача различия в артикле определенном и неопределенном вряд ли осуществима с помощью лексических средств или отдельных слов. Но смысловая роль неопределенного артикля может быть отображена по-русски путем постановки подлежащего в конце предложения («Из комнаты вышла женщина»).

Самая последовательность обозначаемых понятий и постановка подлежащего после сказуемого здесь уже могут служить указанием на известную неожиданность, а тем самым и неопределенность действующего лица, его новизну. (И наоборот: «Женщина вышла из комнаты».)

Еще пример: «A moi n'appartenait pas l'honneur d'avoir découvert un si beau lieu. *Un homme* s'y reposait déjà, et sans doute dormait lorsque j'y pénétrais» – «Не мне принадлежала честь открытия столь красивых мест. Там уже отдыхал *какой-то человек*, и, когда я появился, он, по-видимому, спал».

Здесь русское существительное, поставленное в конце синтаксического отрезка, соответствует французскому существительному с неопределенным артиклем, стоящему в начале фразы, и вдобавок сопровождается еще местоимением «какой-то». Синтаксические и лексические средства здесь, таким образом, дополняют друг друга, усиливая оттенок неопределенности и неожиданности, связанный с появлением нового действующего лица.

Но когда в дальнейшем опять упоминается этот человек, все еще остающийся незнакомцем («*l'inconnu*»), еще не названный собственным именем, однако, уже представленный читателю, в оригинале употребляется определенный артикль, а в переводе соответствующее существительное в функции подлежащего занимает первое место в предложении: «L'*inconnu*,

toujours sans parler, fouilla dans sa poche, prit son briquet, et s'empessa de me faire du feu» – «Незнакомец, все так же молча, порылся у себя в кармане, достал огниво и поспешил высечь для меня огонь».

Как показывает анализ переводов и классических, и современных произведений на русский язык, тот порядок русских слов, при котором подлежащее стоит на первом месте, а затем следует сказуемое, может быть признан типичным, максимально распространенным при передаче французских, немецких, английских, испанских и других предложений, имеющих в начале подлежащее-существительное с определенным артиклем. Разумеется, данная возможность перевода отнюдь не является универсальной, то есть при всей закономерности в ее применении, не является практическим правилом без исключений. Но для нас, с точки зрения ТП, опирающейся на анализ разных случаев соотношений между языками, существенно то, что для передачи морфологической особенности одного языка, не имеющей формального соответствия в другом языке, оказываются применимыми средства особого порядка – не лексические, а синтаксические. При этом существенно, что для передачи специфического элемента иностранного языка (артикля) применяется специфическое же средство русского языка (более свободный порядок слов).

Но другие функции того же артикля не совпадают в разных языках по степени своего развития (например, артикль при именах собственных). Оттенок фамильярно-бытового просторечья.

(см. Халифман и К^о «Сопоставительное изучение грамматики французского и русского языка», р. 35)

(Никольская – Гольденберг, р. 43): Dans le langage populaire l'article est employé devant les noms (propres) des femmes: «La Fanchon, la Madelon». souvent, la femme est désignée par le nom de son mari: «La Lamberte, La Forestier». En dehors du langage populaire, l'article employé devant les noms de femmes leur ajoute une nuance péjorative: «La Pompadour, La Dubarry».

б) перевод конструкций с неопределенно-личным местоимением (on)

Неопределенно-личное местоимение, присущее ряду романских и германских языков (фр. «on») требует выбора формально-отличных элементов для передачи его функции по-русски (за отсутствием прямого грамматического соответствия). Практически грамматика учит тому, что основным соответствием этой форме в русском языке служит, как правило, глагол-сказуемое в 3 лице множественного числа при отсутствии подлежащего (т.е. «on dit» = говорят). И в ряде случаев эта возможность закономерно и удачно используется в переводах. В других случаях для передачи оборота с неопределенно-личным местоимением применяется безличное предложение (on entendit = было слышно; on constata = было установлено; on dit = говорится etc.). К тому же в каждом из тех языков, где есть неопределенно-личное местоимение, оно обладает специфическими смысловыми и отчасти стилистическими особенностями: так, во французском языке «on» употребляется в просторечии как замена 1 лица множественного числа и др. («on se fait belle?»). Есть и другие случаи перевода. В качестве примера тех разнообразных способов, использующихся по-русски для передачи значения фр. «on» (р. ex.) в конкретном контексте, может быть приведен перевод отрывка из романа А. Барбюса «Огонь» (пер. В. Парнаха).

On attend. On se fatigue d'être assis: on se lève. L'humidité rouille les hommes comme les fusils, plus lentement mais plus à fond. Et on recommence, autrement, à attendre. On attend toujours, dans l'état de guerre. On est devenu des machines à attendre. Pour le moment c'est la soupe qu'on attend. Après, ce seront les lettres...	Ждём. Надоедает сидеть; встаёшь. От сырости люди ржавеют, словно ружья, медленней, но основательней. И сызнава, по-другому, принимаешься ждать. На войне ждёшь всегда. Превращаешься в машину ожидания. Сейчас мы ждём супа. Потом будем ждать писем.
--	---

Как видим, здесь для передачи неопределенно-личного местоимения использованы: 1) местоимение 1 лица множественного числа «мы»; («мы ждём»); 2) безличный оборот («надоедает сидеть»); 3) форма 2 лица единственного числа в обобщенно-личном значении («встаёшь, ждёшь, превращаешься»). Выбор обуславливается контекстом – образом солдат, машин;

автор – член коллектива, поэтому возможны переключения единственного числа на множественное, безличный оборот и др.

Итак, как при передаче смысловой роли артикля, так и при передаче конструкций с неопределённо-личным местоимением, грамматическими особенностями языка подлинника прямого соответствия в русском языке не оказывается, и тем не менее находится возможность компенсировать функции этих элементов оригинала, воссоздать их смысловую роль с помощью других элементов грамматического строя и добавочных лексических средств.

4.2. Использование специфических элементов грамматического строя языка, на который делается перевод

а) Использование категории вида в русском языке

Одним из специфических элементов грамматического строя русского языка, как и ряда других славянских языков, несомненно, является категория вида глагола. Использование её в переводе с германских и тех романских языков, где её нет, связано прежде всего с передачей значения различных форм времени (простых и сложных). Но соотношение между каждой из систем временных форм (например, французской или немецкой) с русскими видами слишком специфично, этим занимаются сопоставительные грамматики.

б) Применение уменьшительных суффиксов и суффиксов субъективной оценки при переводе на русский язык

Отличительной морфологической особенностью русского языка (по сравнению с целым рядом других языков, в частности французским, английским, немецким и мн. др.) является широко развитая система суффиксов, выражающих количественную степень или субъективную оценку и связанных как с категорией существительных, так и с категорией прилагательных. Наличие этих суффиксов в категории прилагательных особенно характерно, т.к. в названных западноевропейских языках они в прилагательных практически отсутствуют

(хорошенький, красноватый, большущий). Что же касается существительных, то в немецком языке имеется лишь суффикс уменьшительный, во французском тот же суффикс применяется лишь в очень ограниченном числе имен существительных, в английских же существительных он почти вовсе отсутствует. То, что выражается по-русски суффиксами, в этих языках может быть выражено главным образом специальным лексическим добавлением – прилагательным, указывающим на размер: (petit, mignon, grand, little, un peu, big ; mon grand loup, ma petite dame – дамочка) на ласкательное отношение говорящего к лицу или предмету (cher, joli, dear) или может быть и вовсе не выражено, лишь подразумеваясь или допускаясь контекстом. В переводе же при передаче существительных (реже наречий) подлинника возникает возможность, если в контексте есть для этого условия, воспользоваться данной специфической чертой морфологии русского языка, способной выразить иногда важный смысловой оттенок слова. Например, (из М. Лозинского, пер. П. Мериме «Новеллы»):

Une robe à paillettes, des souliers bleus à paillettes aussi, des fleurs et des galons partout...	Платье с блёстками, голубые туфельки тоже с блёстками, всюду цветы и шитьё...
---	---

...Des souliers mignoms de maroquin rouge...	...Хорошенькие туфельки красного сафьяна...
--	---

-...Sais-tu, mon fils, que je crois que je t'aime un peu ?..	...Знаешь, сынок, мне кажется, что я тебя немножко люблю.
--	---

...elle riait par petits rires brefs, saccadés...	...на это указывал её короткий и нервный смешок.
---	--

...cette petite bourgeoise bohême et bon enfant...	...взбалмошная и добродушная мещаночка...
--	---

Во всех этих примерах перевода, совершенно обычных, чуждых малейшего элемента исключительности, применена морфологическая особенность, которая отсутствует в языках подлинника: ни одно из французских

существительных «soulier, fils, rire, bourgeoise» – не допускает во французском применения уменьшительной формы. В некоторых случаях, как мы видим, лексическим выражением значения уменьшительности во французском тексте выступает прилагательное («petit, mignon»). Везде (exemple) использование русских суффиксов при переводе не вызывает сомнений, т.к. вполне соответствует и вещественному значению слов подлинника, и стилистической окраске текста.

Само собой разумеется, что при переводе с русского на такие языки, где суффиксы субъективной оценки развиты в меньшей степени или не представлены вовсе, возникает особая трудность, преодолимая путём применения добавочных лексических средств.

4.3. Отказ от использования грамматических элементов, формально совпадающих с элементами языка подлинника, но отличных от них по функции

Третий случай грамматического расхождения между двумя языками требует особой внимательности со стороны переводчика. Дело в том, что и язык подлинника, и язык перевода располагают многими формально близкими или даже тождественными грамматическими элементами, но при этом их смысловые и стилистические функции могут быть различны. Часто это вводит в заблуждение неопытных переводчиков.

Например, во французском языке – правило согласования времён:

«Il dit qu'il était malade» = «он сказал, что болен»

(настоящее время в русском языке выражает значение одновременности с действием главного предложения).

Наоборот, использование для русского перевода формы прошедшего времени в сказуемом придаточного предложения привело бы к тому, что мы восприняли бы его как выражение действия, предшествующего тому, какое

выражено в главном предложении («он сказал, что был болен» – т.е. болен был до того, как сказал).

Либо различные синтаксические возможности двух языков, а именно: свободный порядок слов в русском языке даёт в руки переводчика исключительное богатство средств при переводе с языков разного типа. Например, «Гобсек» Бальзака. Описывается наружность Гобсека: два предложения, из которых для нас интересно второе, т.к. в переводе оно имеет иной порядок членов, чем в подлиннике:

...Il avait les lèvres minces de	...Губы у него были тонкие, как
ces alchimistes et de ces petits vieillards	у алхимиков и дряхлых стариков на
peints par Rembrandt. Cet homme	картинах Рембрандта. Говорил этот
parlait bas, d'un ton doux, et ne	человек тихо, кротким голосом и
s'emportait jamais...	никогда не горячился...

Перестановка в данном, довольно типичном, примере применена, очевидно, для подчеркивания обстоятельства образа действия и для нарушения известного однообразия, которое могло бы создаться по-русски при точном следовании порядку слов всех предложений подлинника и которое не свойственно живой речи повествования, предполагающей большое разнообразное синтаксическое оформление. При этом нужно учесть, что во французском оригинале другой порядок слов означал бы резкий стилистический сдвиг, в переводе же осуществляется выбор между возможностями, типичными именно для русского языка и вполне обычными.

Нередко перестройка предложения при переводе, перегруппировка его членов связывается и с разбивкой его на два или более самостоятельных предложения, отделённых точкой или запятой.

Основные выводы

Из анализа грамматического материала, относящегося к различным случаям расхождения грамматического строя двух языков, могут быть сделаны обобщающие выводы:

1) Основную роль при решении грамматических вопросов перевода играют, с одной стороны, требования содержания в его единстве с элементами формы, смысловая роль которых определяется по связи с содержанием и направляет выбор средств, и, с другой – требования языка, на который делается перевод.

2) Несоответствия в грамматической системе двух языков и вытекающая из них невозможность формально точно передать значение той или иной грамматической формы постоянно компенсируется с помощью других грамматических или же словарных средств.

3) Невозможность в ряде случаев решить вне более широкого контекста вопрос о средствах передачи означает необходимость всё время иметь в виду систему языковых средств, а не разрозненные или случайно выделенные элементы, из которых иные, будучи взяты совершенно порознь, оказываются даже и непереводаемы.

5. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

1. Стилистические проблемы перевода.
2. Эмоциональная окраска слов.
3. В. Гак. «Сравнительная типология французского и русского языков». Стилистика.
4. Выражение стилистических категорий.

Литература к лекции

Федоров А.В. Основы общей теории перевода.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика.

А. Попович. Проблемы художественного перевода. – М.80.

К. Чуковский. Искусство перевода. – Гл. «Стиль».

Н. Галь. Слово живое и мертвое.

В. Гак. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л., 1977. – Стр. 277.

Н. Любимов. Несгораемые слова. – М., 1983 (первый очерк «Перевод – искусство»; остальные посвящены любимым поэтам и писателям).

М.П. Брандес. Стиль и перевод. – М., 1988.

5.1. Стилистические проблемы перевода

«Стиль (по «Словарю лингвистических терминов» Ахмановой) – одна из (дифференциальных) разновидностей языка, языковая подсистема со своеобразным словарём, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от разновидностей в основном экспрессивно-оценочными средствами составляющих её элементов и обычно связанная с определёнными сферами употребления речи». Так, ещё академик Щерба делил язык на четыре стилистических слоя: торжественный (лик, вкушать), нейтральный (лицо, есть), фамильярный (рожа, уплетать), вульгарный (морда, жрать). Стили можно классифицировать по разным параметрам. Например, функциональные стили (дифференцируемые в соответствии с основными функциями языка – общения, сообщения и воздействия): стиль *научный* (функция сообщения), стиль *обиходно-бытовой* (функция общения), стиль *обиходно-деловой* (функция сообщения), стиль *официально-документальный* (функция сообщения), стиль *публицистический* и стиль *художественно-беллетристический* (функция воздействия). Более подробно науку о стилях – стилистику – вы будете изучать на V курсе, а сегодня нас интересуют только стилистические проблемы при переводе.

Адекватный перевод невозможен без учёта стилистической стороны подлинника. Не следует думать, что проблема стиля возникает лишь при переводе художественного текста. Любая газетная статья, даже газетная

информация, имеет более или менее ясно выраженную стилистическую характеристику. Более того, если главное для переводчика художественной прозы – в стилистическом плане – воссоздать индивидуальный «почерк» автора, передать его голос средствами французского языка, то перед переводчиком публицистики или газетно-информационного материала может стоять и более простая, и более сложная задача. Ведь публицистический стиль изучен гораздо хуже, чем стиль художественной литературы, а газетно-информационный и того меньше. Поэтому при переводе публицистики или газетной статьи нередко возникает трудный вопрос: нужно ли передавать стилистическое своеобразие текста и если да, то какими средствами. В основном, это вопрос о том, следует ли равняться на стиль нашей прессы или на стиль оригинала. Или вообще пренебречь трудно передаваемыми стилистическими характеристиками текста.

Думается, что однозначного ответа на этот вопрос не существует. Прежде всего важно учитывать назначение перевода. Далеко не всегда стилистическая изощренность материала, призванного в первую очередь информировать и убеждать, способствует его усвоению в другой стране на языке перевода. Конечно, если это памфлет, фельетон, ораторская речь, материал такого рода будет выхолощен в переводе, не сохранившем его стиль. Другое дело, когда переводится текст информационного или пропагандистского характера и за стилистическими деревьями читатель может не увидеть леса. Ведь те специфические приемы украшения, которыми пользуются иностранные газеты и журналы, подчас носят столь узконациональный или даже местный характер, что могут быть переданы в переводе лишь в сопровождении подробных примечаний. В большинстве случаев такие примечания лишь загромаждают текст и ничего не дают ни уму, ни сердцу нашего читателя.

Важно учитывать также, что «характер стиля определяется не только нормами грамматики, лексики и фразеологии, но и формами экспрессии». Любые стилистические средства экспрессивны, так как имеют эмоциональное или оценочное действие. Нередко даже нейтральные в стилистическом отношении языковые средства могут приобретать экспрессивное значение.

Переводчик должен учитывать и стилистическую, и экспрессивную сторону подлинника.

Конечно, даже квалифицированный переводчик не всегда может знать стилистическую характеристику слова, определяемую его принадлежностью к функционально-стилистическому слою лексики. Это затруднение преодолевается с помощью толковых или параллельных словарей. Как известно, слова нейтрального в стилистическом отношении слоя (около 90% лексики) обычно не имеют никаких помет. Слова, находящиеся «выше» или «ниже» этого слоя (так называемая периферийная лексика), снабжаются стилистическими пометами. К сожалению, различные словари нередко по-разному квалифицируют одни и те же слова. Чаще всего это относится к лексике нелитературно-разговорных слоев с пометами: «разговорное, фамильярное, просторечное, сленг, жаргон». Реже наблюдается разноречие в лексике с пометами «выше» нейтрального ряда: «книжное, официальное, канцелярское, поэтическое, архаическое, устарелое». Но определить стилистическую принадлежность слова – это полдела. Важно найти в русском языке слово, соответствующее переводимому не только по смыслу, но и по стилю. И тут хотелось бы более подробно остановиться на слове.

Слово иногда в лингвистической литературе сравнивают с физической частицей: у него имеется ядро, или основной смысл, и поля – дополнительные значения. Ни та, ни другая позиция не является статичной, данной навсегда. Слово может перемещать свои значения из ядра на соседнее поле и наоборот. Например, (фамильярное) дрыхнуть ← **спать** → отдыхать (формальное) → почивать (возвышенное). Ядро выделяется и устанавливается в процессе употребления, и вместе с ним устанавливаются взаимоотношения между образовавшимися значениями. Это результат нашего мышления, человеческой деятельности. Существование ядра и связанных с ним полей позволяет слову быть носителем высших единиц значения. И вот первая проблема: уметь пользоваться словом, всем богатством его оттенков.

Разумеется, лексический материал – важная, но не всегда важнейшая характеристика стиля. Характер стиля определяется всей совокупностью средств и их отношением к выражаемому содержанию, к идейно-художественному замыслу автора.

Давайте вернемся теперь к нашей стилистической классификации текстов и посмотрим, какую роль играют те или иные языковые средства в зависимости от общего характера выражаемого содержания.

Итак, классификация по Федорову: материал разбивается на 3 группы: 1) тексты газетно-информационные, документальные и специальные научные; 2) произведения публицистические; 3) произведения художественной литературы.

(Естественно, существуют переходные или смешанные типы материала: например, в художественной литературе – произведения на производственные темы с обилием терминов, фактических сведений и т. п., в научной литературе – произведения популярного жанра с использованием выразительных средств художественной образности.) Итак, чем же отличаются между собой материалы этих трех групп. Начнем с лексики.

Общепотребительная лексика представлена, естественно, во всех трех группах, ибо она образует ту основу, на которой вообще возможно понимание. Она образует тот фон, на котором выделяются, с которым в определенные отношения вступают различные элементы словарного состава языка, представляющие его пласты.

Для текстов газетно-информационных, документальных и специальных научных, насыщенных фактическим материалом, характерно наличие **терминов**, выделяющихся на фоне слов общеобиходного характера, и наличие некоторых фразеологических комплексов, более частых в данном жанре в связи с его целенаправленностью. (Для русского научного текста, например: «Как мы видим», «Следует иметь в виду», «Следует отметить» и т. д.; для текста газетно-информационного: «Как сообщает агентство...», «По сведениям, полученным из хорошо информированных кругов», «Как стало известно» и т. п.) Для газетно-

информационного материала, равно как и для некоторых разновидностей научных текстов (по истории, географии, политэкономии), показательное частое упоминание собственных имен (личных и географических). Среднее место между термином в узком смысле слова (обозначением специального научного понятия) и собственным именем занимают названия учреждений, общественных организаций, должностей и т. п., зачастую составляющие целые словосочетания (в отличие от терминов, чаще выражаемых 1-2 словами). Чем специальнее текст по своему содержанию, тем выше частотность терминов. В научно-популярных текстах эта частотность, разумеется, гораздо ниже по самому характеру задачи, разрешаемой в них. Для всей этой категории материала характерно отсутствие слов, стилистически окрашенных принадлежностью к тому или иному пласту словарного состава языка (к архаизмам, к просторечию, поэтизмам...). Для литературы по общественным наукам показательное частичное использование идиоматики – некоторых идиом и устойчивых метафорических сочетаний (что почти не наблюдается в области точных наук, в официальном документе и в газетно-информационном тексте). Для всего этого разряда материала характерно использование слов в их прямых значениях или, в редких случаях, языковых тропов, не играющих специальной стилистической роли. Тропы же стилистически действенные, играющие обратную роль, встречаются в литературе научно-популярной.

Тропы – стилистический перенос названия, употребление слова в переносном смысле в целях достижения большей художественной выразительности: **метафора** (аналогия – *говор волн, синец неба такой голубой*), **метонимия** (ассоциация по смежности – *стол вместо еда*), **синекдоха** (часть вместо целого – *Белый Дом*).

Следующая группа – публицистика – литература по общественным наукам, литературная критика, газетно-журнальная публицистика, а также ораторская речь. Это те произведения общеполитического содержания, в которых может быть выражена пропагандистская или агитационная установка, которые рассчитаны как средства воздействия на широкие читательские массы,

касаются вопросов широкого масштаба и сочетают в себе как черты научной речи (терминологию), так и черты языка художественной литературы (образные элементы и эмоциональную окраску). К этой категории в первую очередь относятся труды классиков марксизма ленинизма, классиков русской революционно-демократической критики. Для этого разряда произведений типично сравнительно умеренное применение терминов, часто приближающихся к общеобиходным словам, широкое использование общеупотребительной лексики (понятных и доступных слов) и широкое применение слов с разнообразной стилистической окраской (не только элементов идиоматики, но и просторечья, архаизмов в ироническом употреблении и т. п.). Стилистически действенные тропы разных типов встречаются здесь сравнительно редко, но играют важную роль, выделяясь на фоне слов, употребленных в прямом значении.

Художественная литература, являясь искусством, располагает широчайшим диапазоном средств и преломляет в себе различные как книжно-письменные, так и устно-речевые стили, представляет необыкновенное разнообразие лексических элементов. Отличием ее словаря от словаря литературы научной является отсутствие или большая редкость терминов, причем в тех случаях, когда они встречаются (как, например, в произведениях с производственной, военной и т. п. тематикой), они играют подчиненную роль. Другая отличительная черта – широкое применение диалектизмов, профессиональных архаизмов, слов иностранного происхождения, элементов просторечья и т. д. Столь же широк в художественной литературе диапазон использования различных возможностей словоупотребления – прямых и переносных значений слов, тропов и т. п.

Теперь рассмотрим эти же три группы материала с точки зрения их грамматических (преимущественно синтаксических) особенностей. Они не поддаются такой же четкой градации, как особенности словаря, но возможно наметить некоторые тенденции употребления по этим трем группам.

Для первой группы характерна ориентация на книжно-письменную речь с преобладанием сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Для синтаксиса этого разряда материала показательна полносоставность предложений, и лишь в некоторых более специальных разновидностях текстов закономерным оказывается применение предложений односоставных. Например, в статьях энциклопедических словарей, в технических справочниках, каталогах, технических инструкциях нередко отсутствует то сказуемое (при перечислении технических данных и т. п.), то подлежащее (опускаемое ради краткости, если оно подразумевается по контексту, совпадая, например, с заглавным существительным статьи в справочнике и т. д.). В подобных синтаксических особенностях можно усмотреть характерный стилистический признак этой категории материала: «Основная задача научной и технической литературы – предельно ясно и точно довести определенную информацию до читателей. Это достигается логически обоснованным членением фактического материала, без применения эмоционально окрашенных слов, выражений и грамматических конструкций. Такой способ изложения можно назвать формально-логическим» (Пумпянский). Это касается и газетно-информационных текстов.

Во второй группе материалов, где наряду с сообщением определенного содержания преследуются цели особого агитационно-пропагандистского воздействия на читателя или слушателя, средства синтаксиса играют гораздо более активную роль. Правда, предложения и здесь ориентированы в основном на формы книжно-письменной речи, исключая разговорные эллипсы, случаи несогласования между отдельными членами предложения и т. п., но в них временами по ходу предложения могут проступать черты, типичные для устно-речевого стиля, а именно – обращение к читателю (слушателю) или к противнику, против которого направлена полемика, могут более или менее часто появляться эмоционально окрашенные (выражающие, например, удивление или негодование) восклицательные или вопросительно-риторические конструкции. Именно в этих особенностях сказывается индивидуальное отношение автора к выражаемому содержанию. Синтаксический параллелизм и повторения слов и

словосочетаний здесь не являются случайными и служат одновременно целям как логического членения и выделения, так и эмоционального подчеркивания и усиления.

В художественной литературе разнообразие речевых стилей, связанное с многообразием изображаемой действительности и индивидуальных различных оттенков эмоционального отношения к ней, проявляется в исключительном богатстве и широте синтаксических средств: они сочетают в себе как черты книжно-письменной речи, так и устно-разговорной речи. Устно-разговорная речь, разумеется, принимает разные формы в составе литературного произведения в зависимости от эпохи, страны, идейно-художественного направления и индивидуальной манеры писателя, но во всяком случае всегда играет в нем очень большую роль. Переходы от длинных и сложно построенных предложений к простым и коротким фразам, чередование тех и других, сочетание литературно-правильных синтаксических форм со всякого рода эллипсами, оборванными предложениями приобретают здесь значение средства, выражающего очень сложные оттенки отношения автора или действующих лиц к изображаемой действительности, и представлены с исключительным разнообразием. Все это действительно служит здесь задаче построения художественного образа и целям речевой характеристики действующих лиц.

Здесь рассмотрены лишь основные виды материала, которые могут явиться объектом работы переводчика; рассмотрены бегло, то есть в главных особенностях и тенденциях. Итак, подытожив сказанное, можно сделать вывод, что задача перевода остается стилистической задачей при любой разновидности переводимого материала: она состоит в таком отборе лексики и грамматических возможностей, который определяется, с одной стороны, общей целенаправленностью подлинника и его жанровой принадлежностью и, с другой стороны, соблюдением тех норм, какие существуют для данного жанра в ПЯ.

5.2. Эмоциональная окраска слов

В любом языке существуют слова и выражения, компонентом семантической структуры которых является эмоциональное отношение говорящего к называемому словом предмету или понятию, то есть положительная или отрицательная оценка тех предметов, явлений, действий и качеств, которые обозначаются данным словом. В этом случае принято говорить об эмоциональной окраске слова – положительной или отрицательной. Слова, не содержащие в себе никакого оценочного момента (таких в словаре подавляющее большинство), считаются «эмоционально нейтральными». Таким образом, лексические единицы могут быть подразделены на 3 основные группы: отрицательно-эмоциональные, нейтрально-эмоциональные и положительно-эмоциональные. Например, лизоблюд, шкурник, говорильня, отребье, волынить – слова с отрицательной эмоциональной окраской. Эта группа слов в русском языке широко образуется путем суффиксации – прибавлением к эмоционально-нейтральному слову так называемых «уничижительных» суффиксов (городишко, избенка, человечиска и пр.). Слова с положительной эмоциональной окраской в русском языке также довольно свободно образуются от нейтральных слов прибавлением так называемых «ласкательных» суффиксов (братец, сестричка, дружочек, пёсик и пр.). Для одного и того же понятия могут существовать эмоционально окрашенные и нейтральные обозначения. Например, «мятеж» (отрицательное) – восстание (нейтральное); шпион (отрицательное) – разведчик (нейтральное) и т. д.

5.3. В. Гак. «Сравнительная типология французского и русского языков». Стилистика

В целом можно отметить следующие аспекты языка в области стилистики: 1) особенности в общей системе функциональных стилей (в одном языке могут выделяться такие стили, которые отсутствуют в другом); 2) границы и взаимоотношения между стилями.

Система стилей в двух языках. Уже отмечалось, что язык как средство общения используется в трех сферах: в общественной и производственной жизни человека, в быту и в сфере художественного творчества. Если язык имеет функционально-стилистические подразделения, то в нем на фоне общей нормы (нейтральный стиль) выделяется прежде всего 3 стиля: стиль публичного общения, разговорный и литературно-художественный стиль. Эти три стиля представляют собой стилистические универсалии языков, имеющих письменность. Каждый из них получает во французском и русском языках дальнейшие подразделения. Общая номенклатура стилей в обоих языках в основном совпадает.

Среди стилей публичного общения различаются официально-деловой (*style administratif*), научно-профессиональный, газетно-публицистический стили. От литературно-художественной речи отделяется поэтический язык. К разговорному стилю примыкают находящиеся за пределами литературного языка просторечие и арго. Однако при общности системы стилей языки различаются в отношении взаимопроникновения и четкости границ между этими стилями в двух языках. Отметим основные различия.

Французский язык не имеет столь четко выраженного и обособленного торжественно-поэтического стиля, который мы наблюдаем в русском языке. Во французском языке даже отсутствует специальный слой поэтической лексики. В нем также сравнительно мало лексических архаизмов (архаизмы в нем носят преимущественно семантический характер и заключаются не в устаревших словах, но в устаревших значениях существующих слов). Так, переводы и антологии «*La poésie russe*» (éd. bilingue, P.1965) показывают, что нередко русским поэтизмам соответствуют французские общие стилистически не отличные наименования. Например, архаизмы и славянизмы у Ломоносова:

хлад – *gel* (нейтр. – мороз)

лютость – *cruauté* (нейтр. – жестокость)

посрамить – *humilier* (нейтр. – унизить)

огнь – *flamme* (нейтр. – пламя)

предерзкий – rebelle (нейтр. – непокорный)

пламень – rayons (du soleil) (нейтр. – лучи).

Торжественно-архаический стиль передается не лексически, а с помощью грамматических архаизмов. Например, в переводе «Памятника» Державина (переводчик Л.Арагон):

«Vent ne le peut briser ni foudre au cours rapide

Le détruire non plus le temps avec son aile».

Грамматические архаизмы: отсутствие артикля, место приглагольного местоимения, место подлежащего во второй строке.

Научно-профессиональный стиль во французском языке также менее четко отделяется от нейтрального и литературно-художественного стиля. Общая тенденция французского языка, заключающаяся в использовании метафор и других переносов для расширения номинативных средств языка, «анимизм» в построении предложения захватывает и научно-профессиональную речь. Поэтому французское научное описание в целом больше проникнуто образными средствами, ближе чем русское, подходит к литературно-художественной речи.

С другой стороны, специальная терминология во французском языке формально меньше отличается от нейтральной лексики, чем русская, в связи с тем, что она формируется в большей степени за счет переосмысления общеупотребительных слов. Но это создает условия для обратного переноса из специальных стилей в нейтральную общеразговорную речь, что также ведет к ослаблению граней между разными стилями речи. Научные, технические, медицинские термины, переосмысливаясь, легко проникают в публицистический стиль, общеразговорную речь. Показательным в этом отношении является широкое метафорическое употребление медицинских терминов. В экономике укоренились термины: *hémorragie* = утечка (капиталов), *amputation* = урезывание, сокращение (например, кредитов), *asphyxie* = недостаток; *sclérose* = застой. О популярном певце газета пишет, что ему свойственна «*la boulimie de la chanson*» = страсть к песне (булимия – болезненный, неутолимый голод). Новые виды

забастовок, блокирующие производство на узком участке, получили наименование «grève-ventouse», «grève thrombose», «grève bouchon».

В русском языке более заметная, чем во французском, проходит граница между стилями: литературно-художественным (и поэтическим), научно-техническим и нейтральным. Во французском языке, наоборот, наибольшее различие ощущается между книжной и разговорной речью. «У французов язык письменный и язык устный так далеки друг от друга, что можно сказать: по-французски никогда не говорят так, как пишут, и редко пишут так, как говорят», – писал лет 70 назад известный лингвист Ж. Вандриес. С тех пор, правда, произошли изменения. Разговорная речь все больше вторгается в книжный язык, многие слова, находившиеся за пределами разговорной литературной нормы, получают права гражданства в литературном языке. Дистанция между книжным и разговорным языком сокращается. С другой стороны, исследования в области русской разговорной речи показывают значительные различия между книжным и разговорным русским языком.

И все же французская разговорная речь имеет ряд специфических отличий от русской разговорной речи. Основное – ее большая близость к арго и просторечию. Само арго во французском языке также проявляет своеобразие: наряду со специальными арго, которыми пользуются отдельные замкнутые круги и профессии, имеется общее арго, не привязанное специально к какой-либо профессиональной группе. Это арго широко известно носителям языка, и его элементы легко проникают в разговорную речь (*la bagnole, un type, un flic, le fric, le bouquin, bouffer* etc.). Следовательно, и между разговорным стилем и просторечным во французском языке также грани менее заметны, чем в русском.

Итак, французская стилевая система характеризуется большой подвижностью ее элементов.

5.4. Выражение стилистических категорий

Используемые языками стилистические средства служат для выражения универсальных стилистических категорий, например

выразительность/нейтральность; динамичность/статичность; обобщенность/конкретность; варьирование/однообразие; ясность/нечеткость и т. п. Зарубежные исследователи французского языка старались доказать, что французскому языку свойственно преимущественно какое-либо одно из качеств этих оппозиций. Так, французский язык объявлялся языком неэкспрессивным, статичным, абстрактным, но, с другой стороны, ясным и точным, годным для научного объяснения, но не для живого художественного описания.

Это неверный подход к вопросу. Современные развитые языки дают равные возможности для формирования экспрессивной и нейтральной, статичной и динамичной речи и т. п. Различие между языками заключается в средствах, которые используются для достижения одинаковых целей.

В русском языке могучим средством достижения экспрессивности являются живописные слова конкретного значения (приставочные глаголы, существительные с оценочными суффиксами), свободный порядок слов. Во французском языке лексика в целом носит более абстрактный, недифференцированный характер. Но французский язык достигает экспрессивности другими способами: использованием слов в переносном значении, которое во французском языке в целом имеет более широкое распространение, чем в русском языке. Тенденция к образности (метафора, метонимия). Что касается однообразного порядка слов, то он отчасти компенсируется расчленением и обособлением, свойственным в особенности экспрессивной речи.

Нередко элементы действия в речи обозначаются с помощью существительных во французском языке и глагола – в русском. Исходя из этого, а также бедности системы глагольных приставок, некоторые ученые делали заключение, что французский язык статичен, что он не может так хорошо выражать смену действий или развитие, как это имеет место в других языках (приехал, заехал, подъехал, объехал, переехал и т. д.). Однако и во французском языке описание достигает большого динамизма, но это достигается не с помощью глагольных средств, как в русском или немецком языке, а

использованием именно существительных и номинативных предложений. Именно безглагольные номинативные предложения показывают высшую степень динамизма, и это использует французский язык. (Например, §11, «Les paysans à Paris», Daudet.)

Исследователи французского языка неоднократно подчеркивали абстрактный, обобщенный характер средств выражения в этом языке. Датский лингвист Брёндаль так и назвал свою брошюру об основных особенностях французского языка «Le français, langue abstraite». Но мы знаем, что при необходимости слово широкого значения конкретизируется в словосочетаниях и в предложении. Например, глагол «tomber»:

tomber malade, amoureux;

tomber des nues – упасть с облаков

tomber mal, bien – кстати; не вовремя прийти

tomber dans l'erreur – впасть в заблуждение

tomber dans le ridicule – стать посмешищем

tomber d'accord – прийти к соглашению

tomber en ruine – развалиться

tomber dans l'oubli – быть забытым

tomber entre les mains de qn – попасть в руки

laisse tomber! – Брось! Плюнь!

И в русском, и во французском языке выражается связь высказывания с конкретной ситуацией, но различными средствами. В русском языке это использование слов конкретного значения, которые не могут быть употреблены при описании другой ситуации, во французском – широкое использование местоимений, которые непонятны вне связи с данной ситуацией.

Что касается ясности, в которой нередко видят одно из важнейших качеств французского языка, то А. Мартине прав, говоря, что «с точки зрения структуры языка это не имеет никакого смысла: в этом языке каламбуров есть множество источников для путаницы» (например, moi – c'est moi, toi – tais-toi; dans la vie il faut savoir compter mais pas compter sur qn). А. Sauvageot разделяет то же мнение:

«Ясность во французском языке достигается лишь при условии тщательного отбора слов и их расположения в определенном порядке. Слишком большая непосредственность в построении предложений тотчас приводит к неясности. Для того чтобы как следует говорить и писать на этом языке, требуется постоянное усилие и бдительное внимание. Малейшее нарушение затемняет смысл, речь становится невнятной, смешной или же производит неприятное впечатление».

Выводы

1) Во французском языке границы между функциональными стилями менее четкие, чем в русском языке.

2) В функциональном плане лексико-стилистическим средствам французского языка свойственна тенденция к варьированию.

3) Широта значения и полисемия французской лексики создают условия для парадигматической экономии лексических единиц: французский словарь меньше по объему, чем словарный запас других развитых языков. Однако это обуславливает семантическую зависимость французского слова от других слов, с которыми оно связано в предложении.